

Ирина Агапова

*12 моментов
грусти*

Книга 3. Каравелла всех надежд

Ирина Агапова

**12 моментов грусти. Книга
3. Каравелла всех надежд**

«Издательские решения»

Агапова И.

12 моментов грусти. Книга 3. Каравелла всех надежд /
И. Агапова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961924-2

Роман «12 моментов грусти» — это мой реквием по ушедшей навсегда эпохе. 20 век, СССР, как жилось, как любилось. Книги «Июльское утро» и «Есть имя у дождя» повествуют о подростках, школе, о таинствах первой любви, о целом мире чувств и эмоций, о самых красивых и поэтичных отношениях, о грусти, одиночестве и первых разочарованиях, о становлении характеров молодых людей и о разнообразных испытаниях, выпадающих им в судьбе. А также поднимают вопросы о морали, чести и нравственности. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-961924-2

© Агапова И.
© Издательские решения

Содержание

Весна	6
Одиночество	6
Подснежники, нарциссы и ландыши	12
Параллельная реальность	21
Зачарованные весной	30
Весна под запретом	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

12 моментов грусти

Книга 3. Каравелла всех надежд

Ирина Агапова

*У тебя, так же, как и у меня, Есть каравелла всех надежд...
Дни пробегут, как тени, Поверив сонной лени, Не потеряй её
явления...
Не потеряй...*

© Ирина Агапова, 2019

ISBN 978-5-4496-1924-2 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-1875-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна

Одиночество

Время несло с безжалостной скоростью, унося дни за днями. Снова Яну захлестнула череда бесконечных серых школьных будней, пугавших своим однообразием.

Вокруг нее образовалась зияющая пустота. Худшие опасения полностью оправдались: она осталась одна. Вадим тщательно избегал ее и старался не попадаться на глаза. Сташевский изводил своим полным равнодушием. Он все время смотрел в окно совершенно отрешенным взглядом. С одноклассниками разговаривал сквозь зубы, все в его облике выражало скуку и раздражение. Он еле сдерживал зевки и всем своим видом показывал, как окружающие его достали. Но из всего класса, казалось, его больше всех раздражала Яна, и если она случайно попадала в поле его зрения, то Алик с гримасой отвращения отворачивался от нее. Она, конечно, все это замечала, понимая, что он пытается просто насолить ей, но все равно было чертовски обидно.

Роберт снова исчез, и непонятно было, когда он появится на горизонте. Эти дни для Яны были невыносимой пыткой. Мучительные сомнения и жажда встречи с любимым изматывали ее, лишая душевных сил и покоя. При этом в школе начались такие нагрузки, что не хватало времени на обиды и выяснения отношений. Вечерами, уткнувшись в подушку, девочка просто тихо плакала от охватившего ее одиночества и накопившейся в сердце грусти.

Но от всевидящего материнского ока ничего не могло укрыться.

– Ну и что это ты притихла? Ходишь какая-то пришибленная последнее время. Что опять случилось? – Дина Павловна смотрела на дочь, не скрывая тревоги и беспокойства.

– Мам, это все из-за тех злосчастных японских ручек. Мы все переругались, – сокрушенно вздохнула Яна. – Скажи, может быть, я сделала что-то неправильно, подарив одинаковые подарки Сташевскому, Вадиму и Денису Владимировичу? Каждый из них подумал, что это только для него, ну, и началось...

– Что началось? – удивилась мама.

– Сташевский отказался участвовать в олимпиаде по истории и снова ненавидит меня, Вадим меня избегает, а Денис Владимирович вообще считает, что зря со всеми нами связался. Да еще и Роберт с ним разбирался... Теперь я осталась совсем одна...

– Все понятно, детский сад какой-то, – улыбнулась Дина Павловна. – Ничего такого ты не совершила, каждый из них тебе нравится по-своему...

– Ага, ничего, – вдруг проснулся Аркадий Семенович. – Они ведь могли передрались все. Яна, так не надо больше поступать. Лучше бы ты никому ничего не дарила, в противном случае определись, кто из них тебе по-настоящему дорог...

– Вот, мужская психология собственника, – возмущенно воззрилась на мужа Дина Павловна и уперла руки в боки. Но тут же совсем другим голосом продолжила. – Доченька, что ни делается – все к лучшему. Я тебе всегда говорила, что надо отличать главное от второстепенного. Что сейчас главное? Какая цель у тебя?

– Говоришь со мной, как с маленькой! Знаю-знаю. Закончить с отличием школу, получить медаль и поступить в институт, – как заученный урок, пролепетала Яна.

– Вот видишь, и ты успешно идешь к цели, а это главное. Поверь, все остальное сейчас неважно. В жизни ничего не бывает случайным. И я считаю, совсем не случайно тебя все оставили в покое. Теперь ты будешь уделять больше времени главным целям. Ты должна все силы сейчас бросить на учебу. У тебя все образуется, ты же умница! – мама погладила ее по волосам и поцеловала.

– Да, мне и Роберт часто говорит: «Делай что должен, а там будь что будет»!

При любом упоминании о Роберте Янины глаза начинали светиться счастьем. И она всегда с удовольствием повторяла сказанные им фразы.

– Правильно! Здесь я с ним согласна на все сто. Но все же, доченька, надо поговорить по поводу Роберта. Неужели ты ревешь все время из-за него? – мама вздохнула. – Он появится, вот увидишь. Не грусти!

– Да, но вопрос – когда?

– Перестань. Он очень странный, мы до сих пор о нем ничего не знаем. Но коль скоро он стал опять заходить к нам в дом, хоть и обещал... – она осеклась. – Мы должны знать, кто он вообще, этот Роберт Гудковский. Я так и не в курсе, чем он занимается. Где работает, думает ли учиться. Есть ли у него какие-то планы на будущее. Темная лошадка. Появляется только когда ему удобно и ведет себя как собака на сене. Ты знаешь, создается впечатление, что он «пасет» тебя издалека. Как только кто-то рядом с тобой появляется на горизонте, он тут как тут.

– Ты же его сама спровадила! – с горечью напомнила ей Яна.

– Он не из тех, кого так легко спровадить. Он все равно делает по-своему. Вот скажи мне, ты что-нибудь про его семью знаешь? Кто его мать, отец, чем они занимаются? Ты же ничего про него не знаешь! Внешность – еще не все!

– Да, он ничего не рассказывает! И, кроме всего, появляется, как ясно солнышко, и я сразу обо всем на свете забываю. Мне абсолютно все равно, кто он и чем занимается. Я его принимаю таким, какой он есть, – и лицо ее просияло.

– Смотри, Яна, он тебя не оставляет в покое. В конце концов, надо знать, чем он зарабатывает на жизнь и кто его семья. Это как дважды два: каждая девушка должна знать эти вещи о своем парне. Может быть ему есть что скрывать?

Яна только пожала плечами и сделала вид, что не нашлась с ответом, хотя в душе понимала, что мама совершенно права.

– Ма, мне надо заниматься. Я все поняла.

И быстро укрылась в своей комнате.

Роберт под вечер вернулся из Одессы. Усталость накопилась за долгий трудный день, ломило тело, впрочем, как всегда после таких поездок. Зайдя в дом, он с трудом разделся и в изнеможении опустился на табуретку. Мама подошла к нему и погладила его по голове, как в детстве. Он вздрогнул и прижал к губам ее загрубевшие от работы руки. Мать накормила его ужином, добрые усталые глаза смотрели на сына с тревогой и любовью, а натруженные руки со вздувшимися венами, нервно теребили фартук. Под этим взглядом он ощутил себя совсем маленьким, в душе все перевернулось, его захлестнула волна жалости и нежности к ней, и от этого чувства на глаза навернулись слезы.

– Спасибо, родная, – он обнял ее. Женщина погладила его шершавой ладонью по щекам.

– Иди отдохни, сыночек, – ему показалось, что мать украдкой смахнула слезинку.

Роберт заснул сразу, будто провалился в бездну. Ему снился сон, будто после неудачного побега из колонии, его схватили охранники и поволокли в карцер. Там его связали и приковали цепью к стене. Он не мог двигаться и еле сдерживал стоны обжигающей боли от врезавшихся в тело оков. Дверь открылась с противным гнетущим скрипом, полоснувшим его по нервам. В подвал, наклонившись, вошел Ворон. Со злобной усмешкой, уставившись на узника, он вдруг, неожиданно ударил того ногой в живот. Согнувшись, юноша упал на бетонный пол, а его мучитель начал с наслаждением, жестоко и методично избивать обессиленное тело плетью, пока не увидел, что пленник провалился в забытье.

Очнулся Роберт крепко-накрепко привязанным к кровати, с плотной повязкой на глазах. Рванулся что было мочи, пытаясь освободиться, и услышал злой издевательский смех Ворона.

Страх ледяными клещами сковал душу, дрожь сотрясла измученное тело, но не так от боли, как от беспомощности.

– Что будем с ним делать? – тихо спросил Ворон у своих невидимых соратников. И хор сиплых, сорванных голосов ответил ему:

– Пытать, пытать, пытать!

Едва не закричав от охватившего его ужаса, Роберт заскрежетал зубами и вдруг почувствовал, как ему на лоб начали падать редкие капли воды. Капля за каплей стекали по лицу и шее, разбиваясь о лоб. Звук их падения от еле различимого постепенно превращался в разрушительно-громовой, доводя до умопомрачения. «Это древняя китайская пытка водой», – промелькнула мысль в его воспаленном мозгу. Господи! Мука была невыносимой, сводила с ума и лишала воли. Почувствовав, что теряет рассудок, он подскочил от собственного крика.

Крик, показавшийся во сне таким громким, на самом деле был его стоном. С ноющим чувством под ложечкой Роберт сел на кровати и потер лицо руками. Страшно болела голова. Ночной кошмар частично перешел в реальность: снаружи по крыше и оконному стеклу барабанил косой дождь. Юноша с трудом поднялся и, шлепая босыми ногами, поплелся на кухню. Порылся в аптечке, нашел таблетку анальгина, запил водой. Посидел немного на кухне, прислушиваясь к шуму дождя, тиканью часов на стене, ночным мистическим скрипам половиц. Головная боль немного утихла и он вернулся в постель. Чтобы как-то отвлечься, Роберт предался мечтаньям о Яне и не заметил, как заснул снова.

Он не мог понять, то ли вокруг просто темно, то ли у него завязаны глаза, но это его совсем сейчас не тревожило. На уровне подсознания он понимал, что происходящее – всего лишь сон, но все было как будто по-настоящему. Теплые, скользкие вдоль его тела нежные руки, манящие губы, которые он горел желанием поцеловать. Лицо любимой было так близко, что чувствовалось ее дыхание. Роберт наклонился и прикоснулся к ней в поцелуе, с трепетом ощущая сладкий вкус ее губ. Она лежала под ним абсолютно нагая, распластав свои рыжие кудри по подушке. Странно, но он совершенно реально ощущал тепло и все изгибы ее тела. Желание овладело им столь сильно, что он слетел со всех тормозов и подчинился основному инстинкту. Вдруг он совершенно отчетливо услышал стон, вырвавшийся из ее груди. Все разорвалось внутри него. Роберт распахнул глаза, инстинктивно обведя комнату удивленным взглядом... Вздохнул.

– Весна, началось, не будет мне покоя, – и поднялся, стараясь сдержать возбуждение. Посидел немного на постели, слушая, как просыпается дом, хлопают двери в комнатах, как мама тихо переговаривается с отцом и гремит посудой на кухне. Дождь закончился. Где-то недалеко по ухабам проехала машина, разбрызгивая лужи. Вздохнув, Роберт улегся на спину, закинув руки за голову, и мечтательно уставился в потолок.

За завтраком Эдик решил прочитать брату нотацию:

– Ты можешь хотя бы три месяца поработать на одном месте? Снова ездешь в Одессу... Я понимаю, что фарцовкой ты зарабатываешь хорошие деньги, помогаешь родителям. Но ты же не живешь сам по себе, ты же существуешь в обществе.

– Да отстань ты. Я не хочу и не буду работать слесарем! И плевать я хотел на это общество!

– А не работать и быть спекулянтom престижней? И если все на тебя плюнут, ты знаешь, что будет! А вдруг тебя поймают на фарцовке и опять статью дадут? Мать находится на грани. Все время глаза на мокром месте, я же знаю, что это из-за тебя. Мало ей досталось в жизни? Пять лет жила рабыней в немецком плену.

При упоминании о матери Роберт не выдержал, стиснул зубы до боли в челюстях, стукнул кулаком по столу, так, что все чашки подпрыгнули. Схватил сумку со своим товаром, выскочил из дома, на ходу накидывая дубленку и шарф.

Несмотря на холодную промозглую погоду, в воздухе уже пахло весной. Роберт никак не мог понять, с чем у него ассоциируется этот особый запах, который так будоражил душу,

наполняя ее сладкой щемящей тоской. Солнце слепило глаза непривычно ярким светом. Юноша зажмурился. Как же он любил самое начало весны, несмотря на слякоть и грязь! Особенно когда чувствуется на лице ветер, уже не по-зимнему колючий и холодный.

«Жизнь так быстротечна, словно талая вода! Красота – и та меркнет от неумолимого времени! Надо жить сейчас, наслаждаться каждым мгновением. А брат мне все время талдычит про слесаря...» – с обидой засопел Роберт, чувствуя, что способен на что-то большее, грандиозное и значимое. Ведь он любит жизнь, свободу и независимость, ему претят любые рамки. Энергия распирает его, он жаждет знаний и ему интересно абсолютно все. Роберт вспоминал, как в колонии с жадностью читал каждую книжку, попадающую ему в руки, и мечтал вместе с ее героями. Все существо его стремилось к знаниям и протестовало против судьбы, распорядившейся столь жестоко. Как же он сожалел сейчас, что ему не дано было учиться... Боже! Как жаль потерянного времени...

Он глубоко вдохнул в себя свежий весенний воздух, и бледное замученное лицо начало принимать блаженно-спокойное выражение. Однако ни свежесть, ни сияние радостного весеннего дня не могли вернуть ему душевного равновесия. Юноша быстро шел по улице. Время словно остановилось. Напряжение, которое держало его тело и мозг, достигло невероятной силы. Оглядевшись, он только сейчас заметил, что оказался в начале Пушкинской. Взгляд скользнул вдоль аллеи, убегавшей до самой «Снежинки». Старые, совершенно голые деревья с торчащими во все стороны ветками навевали только тоску и грусть! Несмотря на солнечный день, настроение все равно было испорчено.

Роберт старался не жить ни прошлым, ни будущим, а только настоящим, и радоваться каждому дню, солнцу, свободе, любви, здесь и сейчас. И это было его защитной реакцией на несовершенство мира. Прошлое давило своей мрачностью, будущее было прозрачным и неопределенным, а настоящее его совершенно устраивало. Парень вдруг остро осознал, с чем у него ассоциируется запах весны: весна пахнет свободой! Он заставил себя улыбнуться. «Свободен!» – ликовала его душа. Встряхнув своей светлой шевелюрой, словно сбрасывая, неприятные мысли, он уверенной походкой зашагал к «Снежинке».

Возле кафе в это время еще никого не было. Роберт потоптался в нерешительности, обдумывая, что делать, и неожиданно увидел Лелю с Вероничкой. Парень обрадовался и помахал им рукой. Девчонки, улыбаясь, направились в его сторону.

– Роберт, привет!

– Привет-привет! Вот и весна пришла! У меня есть курточки для вас, как раз по сезону.

– А сколько стоят? – поинтересовалась Вероничка.

– Сто пятьдесят рублей, но если сразу несколько купите, то можно и за сто сговориться.

– Ты еще побудешь здесь? – спросила Леля. – Я позвоню и сразу тебе скажу.

– Да, я подожду, – кивнул Роберт.

Леля побежала звонить Рыбе.

– Марина, я сейчас возле «Снежинки», встретила Роберта, у него есть какие-то куртки на продажу, он сказал, если сразу несколько купим, цена будет по сто рублей.

– Езжайте ко мне домой, только не говори ему, что вы ко мне. Как только он придет, сразу же уходите. А с куртками разберемся потом, ты все поняла? – с каким-то возбуждением в голосе наставляла ее Марина.

– Поехали, Роберт, померим курточки. Если подойдет, будем брать, – улыбнулась Леля.

Молодые люди запрыгнули в троллейбус и через пару остановок сошли возле ЦУМа. Разговаривая, незаметно подошли к подъезду пятиэтажного дома и поднялись на второй этаж.

Едва Роберт увидел Рыбу, глаза его презрительно сощурились.

– Здравствуй, Марина! Если бы я знал, что идем к тебе, ни за что бы не согласился. Но поговорим позже, раз уж я здесь.

– Да ладно тебе, Роберт, – с напускной непринуждённостью махнула рукой Марина и посмотрела на Лелю с Вероникой многозначительным взглядом. – Давайте мерьте, и будем думать, что делать. Мне как раз нужна куртка на весну.

Роберт открыл сумку и достал вещи. Девочки надели их и начали вертеться возле зеркала в прихожей.

– Вероничка, тебе идет, как на тебя шита, – заметила Леля.

– Да, надо брать. Как раз, то что я хотела, – поддакнула ей Вероника.

– Роберт, мы пойдем за деньгами, скоро вернемся, – Леля взяла подругу за локоть и подмигнула Рыбе.

– Только недолго, – попросил парень, недовольно морщась. – У меня еще масса дел.

Рыба закрыла за девочками дверь и подошла вплотную к Роберту.

– Я беру, мне нравится.

Глаза ее блестели каким-то лихорадочным блеском. Она взяла куртку из его рук и, зайдя в спальню, быстро стала срывать с себя одежду. Ноздри ее раздувались от возбуждения, грудь прерывисто вздымалась. Закончив разоблачаться, она выпрямилась и на секунду взглянула на себя в зеркало. Почти идеальная фигура. Высокая грудь, тонкая талия, длинные ноги, только бедра немного широковаты. Марина в каком-то сумасшедшем порыве надела на голое тело куртку и еще раз посмотрелась в зеркало. Ее трясло как в лихорадке. Еле сдерживая возбуждение, набрала в легкие воздуха и решилась...

Роберт сидел на диване и со скучающей миной смотрел телевизор. Рыба картинным жестом открыла дверь и голая вышла из комнаты.

– Я вся твоя! – торжественно произнесла она и, ничуть не смущаясь, эффектным движением стриптизерши сняла куртку.

Роберт вздрогнул от неожиданности, глаза его удивленно округлились. Оценивающим холодным взглядом он смерил Марину с ног до головы и затем с отвращением произнес:

– Одевайся, ты мне омерзительна! – И отвернулся.

– А ты! А ты... – Рыба, не ожидая такого поворота, совершенно с ошарашенным лицом заморгала своими белесыми глазами, задохнувшись от возмущения и от сдавившего ей горло спазма. Закрыв лицо руками, она согнулась и заскочила боком назад в спальню.

– Дура! – вслед ей крикнул Роберт, лихорадочно собирая свои вещи.

Хлопнув входной дверью, он кубарем скатился с лестницы и выскочил на улицу. Сердце бешено колотилось. Внутри еще продолжали клочкотать, бурлить и кипеть непонятные ему страсти. Роберт попытался взять себя в руки, но не смог погасить охватившее его не то раздражение, не то возбуждение... Грудь его теснили противоречивые чувства. Он был в смятении.

– Вот дура, – еще раз в сердцах пробормотал он себе под нос и, замотав шарф вокруг шеи, без раздумий заспешил к Жене.

В субботу утром Яна с мамой направились на рынок за продуктами. С вечера был заготовлен целый список, и, следуя его очередности, они пошли выбирать мясо.

За прилавком в мясном ряду стояла толстая румяная тетка в грязных нарукавниках, натянутых прямо на зеленое ватное пальто. Мама выбрала кусок говядины с косточкой, стала торговаться с ней и сбивать цену, а Яна со скучающим видом рассматривала снующих по рынку людей. Вдруг ее взгляд остановился на беременной женщине, силуэт которой показался ей знакомым. Яна вздрогнула. Это была Даша.

– Мама, – она дернула маму за рукав. – Посмотри, какой срок беременности у этой женщины, ты можешь определить на глаз?

– Яна, что за глупости, я занята, – Дина Павловна обернулась и мельком взглянула на Дашу.

– Мисяцив пять-шисть, кажись, – ответила за нее толстая тетка, проворно заворачивая маме мясо в газету.

Яна кивнула ей в знак благодарности и задумалась. Вот почему Дашки нигде не было видно. Она, очевидно, вышла замуж и оставила Роберта в покое.

– С чего это ты спрашивала про ту женщину? – спросила мама, кладя в авоську свою попку.

– Она приставала к Роберту, – с презрением фыркнула Яна. – Но, видимо, потом вышла замуж и забеременела.

– Она некрасивая, – констатировала Дина Павловна. – Так, идем за картошкой, потом домой.

Подснежники, нарциссы и ландыши

Перед 8 Марта в школе все ходили в предвкушении чего-то радостного и необычного. Ярче светило солнце, свежий ветерок нес в себе влажные весенние запахи талого снега, мокрой коры деревьев и еще зарождение чего-то нового, что будоражит кровь и обостряет фантазию. Просто, наверное, в воздухе витало весеннее настроение. Мальчики загадочными задумчивыми взглядами смотрели вслед девочкам, а те шушукались по углам, обсуждая мальчишек.

Собираясь утром в школу, Яна с грустью думала, что в свете последних событий ей, скорее всего, никто ничего не подарит. Она старалась отвлечься и не заикливаться на этом, чтобы окончательно не портить себе настроение.

Девушка как всегда опаздывала и подбежала к школе вместе со звонком на урок. Ее удивлению не было предела, когда она увидела Вадима, стоящего у ворот. Яна уже хотела проскочить мимо, но парень с улыбкой окликнул ее:

– Куда это ты так несешься? Привет!

– Привет... – тихим эхом повторила она, радуясь встрече с ним и улыбаясь в ответ.

– Вот, это тебе, – Вадим вытащил руку из-за спины и протянул ей букетик нежных белых подснежников.

От неожиданности Яна просто задохнулась. Глаза ее засветились радостью, и в порыве она поцеловала его в щеку. Парень расцвел в счастливой улыбке. Бережно держа цветы, как нечто одушевленное, хрупкое и драгоценное, девушка поднесла их к лицу, чтобы ощутить нежный аромат.

– Божественно, – вздохнула она и подумала, что он, должно быть, тоже скучал по ней.

– Бежим, – Вадим схватил ее за руку, и друзья галопом заскочили в вестибюль.

Навстречу им, как назло, шла Надежда Александровна. Не сговариваясь, ребята хором поздравили ее с 8 Марта. Завуч заметила подснежники в руках у Яны и уставилась на них. Девушка растерялась и посмотрела на Вадима.

– Мы опоздали, потому что я поздравлял Яну. Мне не хотелось, чтобы подснежники завяли, – смотря прямо в глаза учительнице, заявил Полянский.

Надежда Александровна улыбнулась одними глазами и мягко сказала:

– Идите в класс.

– Наверное, она подумала, что мы подснежники отдадим ей, – тихо произнесла Яна.

– Ну, размечталась, – усмехнулся Вадим. – Мы ей конфеты купили. На большой перемене идем ее всем классом поздравлять.

Яна прыснула от смеха.

– Мы тоже.

Девушка открыла дверь в кабинет и вошла, держа в руке подснежники. Шел урок биологии, который вела их классный руководитель Наталия Ивановна.

– Росина, даже 8 Марта ты умудрилась опоздать! – пожурила ее учительница. – Я вижу, тебя уже успели поздравить.

Все взгляды переместились на Яну, и та, как всегда, покраснела. Сташевский хмыкнул и отвернулся. Наталия Ивановна поздравила всех девочек с праздником, и тогда Юлька вытащила из-под парты коробку конфет, которую достала на базе Чучина мама.

– Наталия Ивановна, – елеиным сюсюкающим голосом начала говорить Волкова, подобострастно глядя на нее. – От всего класса, от всей души, от всего сердца поздравляем вас, любименькая вы наша, вторая мама, с 8 Марта.

Яну чуть не стошнило от такого подхалимства. Лицо Алика Сташевского тоже исказилось от отвращения.

– Ой ты боже мой, мы сейчас все заплачем от умиления, – не выдержал Сашка Погодин.

– Наталия Ивановна, – сказал Олег Харченко, – мы вас просто любим, и будьте вы нам здоровы и счастливы.

– Горько! – крикнул Сашка Погодин, и все дружно рассмеялись.

– Поздравляем! Поздравляем! – загалдел класс.

– Спасибо, мои дорогие! – Наталия Ивановна прослезилась. – Какие вы у меня все хорошие! Я вас всех тоже люблю. Давайте не будем ждать большой перемены. Девочки, подойдите к моему столу и смотрите на доску. А мальчики положите подарки на парты.

Девочки отвернулись. С трепетом и волнением ожидая, когда можно будет посмотреть, что им подарили.

– Раз, два, – считала Наталия Ивановна вместе с женской частью класса, – два с половиной, два с четвертиной, четвертина обрывается, три начинается... три!

За их спинами слышалась беготня и суета. Напряжение достигло пика. Послышались нервные смешки.

– Все, можно поворачиваться, – дала команду учительница.

Девчонки повернулись. На своей парте Яна отчетливо увидела букет желтых нарциссов, и сердце сладостно забилося. Не надо было даже гадать чей это подарок. Кроме всего, только ей сегодня подарили цветы, что было вдвойне приятно. Кроме нарциссов, на Яниной парте лежало еще несколько подарков. Оглянувшись на класс, она пыталась угадать, кто из мальчишек ее поздравил.

Она осторожно взяла в руки букет нарциссов, поднесла к лицу и зажмурилась, упиваясь их восхитительным сладковато-медовым запахом. Каким-то боковым зрением уловила на себе внимательный прищуренный взгляд Алика Сташевского, с интересом и волнением наблюдавшего за ее реакцией. Яна повернулась к нему, но парень не пошевелился, а с какой-то хищной жадностью продолжал смотреть на нее. Перехватив его взгляд, Яна увидела рядом с букетом поздравительную открытку, где его красивым аккуратным почерком было выведено стихотворение:

Нарцисс

Этот гордый весенний цветок

Безусловно красив, но совсем одинок.

Стройный стебель, нежный лист,

Благоухает наш нарцисс.

– Я красивей всех цветов, —

Спорить с каждым он готов.

Наклонившись над водой,

Всегда любит себя собой.

Даже без открытки Яна бы поняла, кто подарил ей эти цветы. Кто же еще мог сделать подарок с намеком! Она развела руками, улыбаясь лишь уголками губ.

– Сташевский! Ты эти стихи написал себе, потому что я – твое отражение! Ты такой же нарцисс, как и я!

Он словно ждал такой ее реакции и, хмыкнув, отвернулся к окну.

В классе все разговаривали, обсуждая подарки; в воздухе витало праздничное настроение. Заниматься никто не хотел. Наталия Ивановна вздохнула и сказала:

– Давайте договоримся, что весеннее настроение вы оставите для перемены, а сейчас вернемся к нашей теме.

Но до конца урока она так и не смогла добиться от класса внимания.

Яна все время прижимала нарциссы к губам, вдыхая их необычный аромат, Сташевский украдкой наблюдал за ней. Глаза его вспыхивали каким-то необычным светом каждый раз, когда он видел, как девушка жмурится от удовольствия. На перемене Яна подошла к нему в надежде, что удастся восстановить нормальные отношения.

– Как только я увидела нарциссы, сразу догадалась, что это ты мне подарил. Я люблю первые весенние цветы. Спасибо тебе, кстати, и за стихи тоже.

Он стоял с высоко поднятой головой, словно Цезарь, и взгляд его был устремлен в окно, как на арену, где проходили гладиаторские бои. После этих слов Алик медленно повернулся к ней, словно про себя решая, казнить или помиловать.

«Помиловать! Помиловать!» – кричали ее глаза.

Сташевский с минуту смотрел на нее, не отрывая взгляда. Яна ничего не смогла прочесть на его лице. Пауза затянулась. Наконец он с трудом заговорил:

– Нарциссы тебе идут, это твоя суть. Ты никого не любишь, кроме себя, и не знаю, способна ли вообще на это чувство, – процедил парень сквозь зубы.

– Напрасно ты так думаешь, я как раз очень даже способна, – мысленно усмехнулась Яна, думая о Роберте.

– Тебе так только кажется, – снова хмыкнул он, словно прочитав ее мысли. – Если тебе надо будет принять кардинальное решение, ты его примешь в свою пользу, ты никогда не будешь женой декабриста. Да ладно, – уже мягче продолжил он, и Яна интуитивно поняла, что он простил ее. – Если ты хочешь взаимности, нельзя все время получать. Надо и отдавать. Все должно быть по справедливости.

– Все-то ты про меня знаешь! Ну а как же то, что любовь должна быть безвозмездной, и любить надо не за что-то, а вопреки? А неразделенная любовь? Где же тут справедливость?

– Ты начиталась классики девятнадцатого века, а сейчас у нас на дворе век двадцатый, и у нас равноправие, – сразу же нашелся Сташевский.

Яна не хотела с ним спорить, потому что была рада уже тому, что он снизошел до разговора с ней.

На уроках сидеть совсем не хотелось, было мучительно скучно, особенно когда взгляд падал на подснежники и нарциссы, стоящие на парте в стакане с водой. Хотелось скорее вырваться на улицу.

Весь день Яна переглядывалась со Сташевским, но перекинуться словечком им больше не удалось. На большой перемене в класс заглянул Вадим. Увидев рядом со своими подснежниками букет нарциссов, он метнул недобрый взгляд на Алика.

– Яна, сегодня в два факультатив по истории! Не забудь. – И сразу же ушел.

Уроки закончились, все разошлось по домам, остались лишь посещающие факультатив. Неожиданно остался и Алик Сташевский, несмотря на свое заявление, что ему неинтересна олимпиада. Яна очень обрадовалась и не скрывала этого.

Через несколько минут в класс стремительно вошел Денис Владимирович, сверкая своей лучезарной улыбкой.

– Всех девочек с 8 Марта! – радостно воскликнул он. – Как-то даже и неудобно заниматься в такой день.

– А давайте перенесем на завтра, а сегодня отметим? – с радостью предложил Вадим.

– А как будем отмечать? – поддержала его Юлька.

– И куда пойдём? – тут же завторила ей Таня.

Яна вдруг совершенно спонтанно заявила:

– А что? Я здесь рядом живу. Родители придут только в шесть, можно и ко мне. У меня есть бобина с концертом «Юраяя Хипп». Послушаем и потанцуем.

Денис Владимирович мечтательно закрыл глаза. Ему совсем не хотелось сегодня проводить факультатив.

– Это удобно? – на всякий случай спросил он, внимательно глядя на Яну. Та кивнула. Все остальные безумно обрадовались. Как по команде быстро собрались и всей дружной компанией направились в гости к Яне.

– Проходите, располагайтесь – сказала девушка, когда все зашли в квартиру.

– Можно мы с Таней организуем чай? Я знаю, где у тебя что находится, – Юлька выжидающе посмотрела на хозяйку.

– Да, конечно, почувствуйте себя как дома.

– А это тебе, Яна, – шепнул Денис, чтобы никто не слышал. – Это книжка Александра Казанцева «Фаэты», тебе понравится, я знаю. – И, улыбаясь, пояснил: – Казанцев один из моих любимых советских писателей-фантастов. После этого романа ты наверняка захочешь прочесть все его книги, которые попадут тебе в руки.

– А много у него книг? – спросила Яна.

– Я точно не знаю, но я еще читал «Пылающий остров», «Полярная мечта» и «Льды возвращаются». Но я уверен, что это твоя стихия. Это современный писатель-фантаст, он еще живой и пишет новые книги. Ему сейчас лет семьдесят.

– Спасибо огромное, – Яна с интересом рассматривала книгу. – Вы так много знаете, с вами очень интересно!

Тем временем, Хиппник открыл крышку пианино и придвинул поближе стул.

– Надо просто быть любознательным, вот и все, – улыбнулся он. – Давай сыграем в четыре руки. Смотри: фа – соль – ля – си-бемоль – си-бемоль – ля – соль – фа – фа, – он показал ей квадрат. – Играй все время в лупе [1], не останавливаясь, а я тему. Ну, поехали, «Шокин Блю», «Венера».

Яна начала, он вступил за ней и запел. За ними подхватили и все остальные.*

Сташевский сидел в стороне один на диване и наблюдал за ними издали. Но по тому, как он притопывал ногой, складывалось впечатление, что все же он участвует в общем веселье. А вся компания между тем с остервенением орала «Venus» на английском, коверкая слова:

– Шис, гари, ё бэйби шис гари

– Вэл..., ам ё Винес

Ам ё фая... джоо диза

– Вэл..., ам ё Винес

Ам ё фая... джоо диза

А..ааа..аааааа

Кайф был невероятный, эмоции зашкаливали. Насмеялись и накуражились...

– Алик, ну теперь ты что-нибудь сыграй! – попросила Яна.

Сташевский заморгал и замотал головой, протестуя.

– Я играю только классику, это совсем не к месту.

– Садись и сыграй, Алик! – чуть ли не приказывая, обратился к нему Денис Владимирович. – За десять лет твои одноклассники могут тебя послушать, хотя бы один раз!

Сташевский нехотя поднялся с дивана, сел за фортепиано, задумался, нерешительно приоткрыл клавишам. Его длинные красивые пальцы дрогнули и неуверенно взяли несколько аккордов. И вдруг совершенно неожиданно обе руки запорхали над клавиатурой словно две большие птицы.

Он играл Шопена, «Ноктюрн №20». Все слушали затаив дыхание. Музыка лилась нежно и проникновенно, как стекают в реку ручейки ранней весной, серебристым журчанием перебиваясь от мощного форте к нежному волнующему пиано, наполняя комнату чудесным хрустальным звучанием. Яна представила, как первые травинки пробиваются сквозь проталины и тянутся к солнцу, все трепетало у нее внутри. Лицо Алика стало одухотворенным и каким-то не по возрасту серьезным. Яна окинула взглядом ребят, замороженно стоящих возле пианино, видела, что они с интересом и в то же время с удивлением внимают великолепной игре Сташевского. И когда тот напоследок пробежался легкими переливами по клавишам и взял последнюю ноту, словно поставил точку в конце предложения, в комнате воцарилась полная тишина. Потом все одновременно заплодировали. Даже Вадим воздержался от комментариев, ему нечего было сказать.

Денис Владимирович не мог скрыть своего восторга и удивления.

– Я не ожидал, Алик! Говорят, если человек талантлив, он талантлив во всем. Полная гармония ума и тела. Ты меня поразил! Молодец! Я бы еще хотел послушать.

Сташевский помолчал, потом посмотрел на всех присутствующих.

– Может быть, из джаза что-нибудь?

– Играй то, что ты хочешь, – подбодрила его Яна, боясь спугнуть. Ей очень хотелось еще насладиться его великолепной игрой. Если бы сейчас Сташевскому вдруг вздумалось стать музыкантом, то и здесь бы он преуспел на все сто! Все более поражаясь, Яна смотрела на него во все глаза, он не прекращал удивлять.

Тем временем Алик вошел во вкус и уже ни капли не стесняясь, начал играть легендарную джазовую вещь Дюка Эллингтона «Караван». Он играл с наслаждением и куражом, импровизируя на ходу. Чувствовалось, что он сам получает удовольствие от игры.

Денис был в полном восторге.

– Алик, я снимаю шляпу! Такие гармоничные личности встречаются очень редко, у тебя великое будущее.

– Да ладно вам дифирамбы петь, – совершенно без пафоса хмыкнул Сташевский. – Я думаю, я найду свое место под солнцем.

– Идемте пить чай, – тихо позвала Юлька, – уже все готово!

Что-то изменилось за последние полчаса. Молодые люди словно прозрели, стали добрее друг к другу, как будто и не было никакой вражды и соперничества между ними.

– Красота и музыка спасут мир, – задумчиво произнес Вадим.

Пили чай, переговаривались тихо, обсуждали планы на будущее – кто куда думает поступать, – переживали за предстоящие экзамены. Обстановка была дружелюбной и располагала к приятному общению.

– Будем слушать «Юрая Хипп», концерт «Return to Fantasy» или как? – между прочим, решил осведомиться Денис Владимирович.

– Конечно, что за вопрос? – обрадовалась Яна.

Хиппник помог ей вставить бобину и включить магнитофон.

Первые аккорды вступления знаменитой баллады «Год или день» ворвались в комнату, заполняя ее мощным звучанием.

Денис Владимирович подошел к Яне и взял ее за руку, приглашая на танец.

– Давай попробуем, – наклоняясь поближе к ее уху, сказал он. – Слушай меня, я веду.

Яну затрясло мелкой дрожью. Ей было все труднее сохранять имидж невозмутимой и уверенной в себе девушки. Она едва кивнула головой, соглашаясь. Сташевский и Вадим, как по команде, повернулись в их сторону и застыли, наблюдая.

Проникновенный и мощный голос Дэвида Байрона звенел, заражая своей энергией и драйвом.

Ребята разбились по парам. Сережа Орлов танцевал с Таней Сидоренко, а Вадим – со своей одноклассницей Олей. Юлька подошла к Сташевскому, но он отказался танцевать с ней. Та обиженно поджала губы, села в кресло и старалась не смотреть на танцующих, чтобы не портить себе настроение. Алик же, наоборот, следил за каждым движением историка и Яны. А пара, между тем, к великому сожалению Сташевского, смотрелась очень даже гармонично. Яна любила танцевать, особенно с хорошим партнером, который чувствовал музыку и мог импровизировать. Звуки гитары Мика Бокса будоражили кровь, заставляя сердце стучать быстрее в такт ударным.

Партнеры сразу же приноровились друг к другу. Яна ловила малейшее движение Дениса, и у них получалось очень слаженно и красиво. Музыка проходила через каждую клеточку, наполняя энергией душу и тело. Молодые люди выполняли все движения одновременно. Шаг, разворот, вот Яна прогнулась назад, а Хиппник наклонился над ней. Он вел, и она полностью

подчинилась музыке его тела. Девушка танцевала с таким упоением, что Алик Сташевский подался вперед, жадно наблюдая за каждым ее движением. Но танцующие, казалось, ничего не замечали вокруг. Попав во власть ритма, они прижались друг к другу и раскачивались в такт музыки.

Сташевский неожиданно для всех встал и выключил магнитофон. Парочки остановились в оцепенении и глядели на наглеца с недоумением.

А тот с напускной непринужденностью махнул рукой.

– Что за скукотища такая – медляк! Давайте драйву зададим и побесимся все вместе, – и стал перематывать бобину на первую песню.

Денис вдруг встрепенулся и с сожалением отпустил Яну. Все верно, ведь он учитель и здесь все его ученики. Ему, как никому другому, надо было соблюдать приличия, и криво улыбаясь, он кивнул Алику в знак согласия.

– Правильно, давайте побесимся!

Образовав небольшой круг в центре комнаты, молодежь энергично задвигалась под ритмичную музыку, совершенно произвольно, давая телу свободу действий. Тем не менее, некоторые с опаской наблюдали за Сташевским, уже зная его непредсказуемую натуру. Но тот пока держал себя в рамках. Минуты через три он неожиданно встал столбом посередине круга и начал слишком уж энергично хлопать в ладоши, мотать головой из-стороны в сторону, встряхивая волосами. По всему было видно, что Алик входит в раж, поскольку в этот момент его правая нога вдруг задергалась и стала отбивать ритм с каким-то диким остервенением. Юлька с Вадимом переглянулись в предчувствии, что сейчас возможно что-то начнется. Остановившись перед Яной, и не отрывая своего странного гипнотического взгляда от ее лица, Сташевский вдруг начал выделять руками восьмерки в воздухе, прямо у нее над головой. При это, он смотрел на нее так, как будто что-то замышлял. От его взгляда девушка вся похолодела. Неожиданно для нее и, скорее всего, для самого себя Алик подскочил к ней, схватил ее за запястья и завел руки за спину, прижимая к себе. Но, поймав ее перепуганный взгляд, резко отпустил и отскочил в сторону, как ударенный током. Неотрывно смотря на Яну, Алик попятился в коридор и через минуту пулей выскочил из квартиры, хлопнув входной дверью. Вся компания от неожиданности вздрогнула.

– Он больной на голову, я говорю вам, – с возмущением пробурчал Вадим.

– Да, все гении были сумасшедшими, – тут же поддакнула Юлька.

– Он не в себе, – вторила ей Танька.

– А по-моему, ему просто крышу сносит, – предположил Сережа Орлов, многозначительно посмотрев на Яну.

Та сразу же покраснела, но в то же время ей стало невыносимо жалко Сташевского, она готова была бежать за ним следом...

– Ребята, уже поздно, пора расходиться, – Денис решил взять ситуацию под свой контроль. – Я поговорю с Аликом.

– Опять этот Сташевский обломал нам кайф, – с досадой буркнул Вадим.

Ребята попрощались и ушли.

Позвонила мама.

– Яночка, мы прямо с работы едем к бабушке. Она приготовила ужин, а деда нам всем – подарки. Так что ты приходи к шести.

– Спасибо, мамочка, приду.

В доме сразу стало скучно и непривычно тихо. Яна сидела за письменным столом, подперев голову руками, и листала книгу, подаренную Денисом Владимировичем. Она старалась отвлечься от грустных мыслей, назойливо лезущих в голову и будоражащих ее. Непонятное поведение Сташевского, загадочные взгляды Хиппника, вздохи Вадима... Но больше всего она

переживала из-за того, что ее до сих пор не поздравил Роберт. И все же маленькая надежда на его появление еще теплилась в ее душе.

Звонок в дверь вывел Яну из задумчивого равновесия. От неожиданности она подпрыгнула на месте, инстинктивно догадываясь, кто сейчас стоит в подъезде. Она метнулась в прихожую, мельком заглянула в зеркало, на ходу поправляя растрепанные и торчащие в разные стороны непослушные кудри, и рванула дверь.

Роберт стоял, облокотившись одной рукой на стену. Застигнутый врасплох, вздрогнул, увидев ее.

– Детка, ты меня напугала, – сказал он, внимательно разглядывая Яну своим пытливым пронзительно-синим взглядом. – Ты кого-то ждешь?

– Тебя, тебя я жду, – смотря на него во все глаза, выпалила Яна и схватив за руку, затащила его в комнату.

На мгновение он растерялся, не ожидая такого бурного приема. В одной руке он держал новенький пакет с напечатанным на нем пачкой сигарет «Мальборо», а другой пытался достать оттуда что-то. Наконец ему удалось вытащить из него букетик ландышей, аккуратно упакованный в целлофан.

– Это тебе. Из всех весенних цветов только ландыши подходят тебе. Такой же нежный, чистый и хрупкий.

– Спасибо, – тихо произнесла она, а внутри у нее все затрепетало, радость распирала грудь, ей хотелось кричать и ликовать от счастья.

Он прочел все эмоции по ее горящим глазам. Улыбнулся и бережно поправил ей волосы, задержав лицо в своих ладонях.

– Идем пить чай, – и сам направился на кухню поставить чайник. – Я принес твоей маме коробку конфет «Птичье молоко». Передашь ей, если мы разминемся.

Вода быстро закипела, и чайник издал жалобный протяжный свист. Роберт выключил горелку, потянулся за заваркой и замер, переведя взгляд на Яну. Девушка бережно держала в руках букетик ландышей. Крохотные белые бубенчики качались на длинных тонких стеблях и словно звенели, источая робкий аромат. С каким-то благоговением она поднесла цветы к лицу и зажмурилась, вдыхая нежный весенний запах. По ее лицу блуждала блаженная улыбка.

– Мои любимые... Ты знал... Ты всегда теперь мне их будешь дарить весной...

Влюбленные стояли друг против друга – она, почти еще ребенок, такая нежная и беззащитная, как хрупкие ландыши, которые прижимала к груди, и он, молодой мужчина, успевший повидать жизнь и в полной мере познать горечь потерь и разбившихся надежд. Они стояли и неотрывно смотрели в глаза друг другу, как в зеркальное отражение.

На мгновение Роберт закрыл глаза, словно пытался отложить увиденную картинку в ячейку памяти и сохранить свое выстраданное годами и принадлежащее только ему зыбкое мечтание, глубоко сидящее у него в сердце, чтобы никто не смог посягнуть на него.

Яна бережно опустила букетик в маленькую вазочку и, набрав воды, поставила на крышку пианино. Белые бубенчики ландышей, похожие на жемчужины, трогательно и беззащитно смотрелись на черном фоне.

Роберт подошел к ней и обнял за плечи. Наклоняясь, убрал волосы с ее шеи и, обдавая горячим дыханием, прошептал на самое ухо:

– Маленький, ты изменила мой мир.

От его слов Яна вздрогнула, ее кожа покрылась мурашками и отстранившись, она резко повернулась к нему. Роберт намотал на палец ее локон и притянул к себе, глаза его пылали и он с откровенным желанием смотрел на ее губы:

– Делай со мной что хочешь! – чуть хрипло произнес он.

Девушка придвинулась к нему, подняла голову и потянулась к его лицу. Роберт не шелохнулся. Затаив дыхание, он ожидал ее дальнейших действий. Ее пальцы легонько заскользили по его груди, вызывая дрожь во всем теле. Он замер от предвкушения того, что она предпримет. Яна совершенно не давала отчета своим действиям, голова кружилась, и не было даже обрывков мыслей, словно она провалилась в какую-то черную бездну и все чувства сразу же обострились, сладкой истомой пронизывая ее насквозь.

Она спонтанно подтолкнула Роберта к дивану. Юноша лег, откинувшись на подушку, закрыл глаза и нервно сглотнул. На его щеках заиграл пунцовый жаркий румянец. Яна попыталась стянуть с него свитер. Он приподнялся и поднял руки, помогая ей. Она прижала ладони к его груди, ощутив под рубашкой выпуклые крепкие мускулы. Их глаза встретились, и между ними промелькнуло что-то пронзившее их насквозь, как вспышка молнии. Ее пальцы невольно заскользили по пуговицам его рубашки, обнажая грудь. Он посмотрел ей прямо в глаза и, поймав руку, до боли сжал пальцы, мягко сказав:

– Не надо.

– Но я же делаю что хочу? – удивленно спросила Яна.

– Я хотел видеть, как далеко ты зайдешь! – улыбнулся Роберт.

– Я зашла далеко?

Он ничего не ответил.

Яна положила голову ему на плечо и, затаив дыхание, провела пальцами по волосам и лицу, умирая от нежности к нему. Роберт не прикасался к ней. Лежал неподвижно, боясь шевелиться и даже дышать, полностью отдавшись ее власти, но сердце предательски выпрыгивало из груди. Одну руку он подложил под голову, а другая нервно подрагивала в воздухе, готовая в любой момент прижать ее к себе. Набухшая на лбу жилка дрожала и пульсировала, как всегда, когда он нервничал или был взволнован. Яна потрогала ее пальцами и прижалась губами.

Неожиданно его рука скользнула по спине, остановилась на талии и вдруг начала опускаться ниже. Яна вздрогнула и замерла.

– Не бойся, – тихо сказал он и отдернул руку, – я никогда не сделаю того, чего тебе не хочется. – А про себя подумал: сколько он еще может быть таким целомудренным с ней?

– Привяжи меня, – вдруг сказал он.

– Что? – удивилась Яна, приподнимаясь и смотря на него своими огромными удивленными глазами.

– Привяжи, чтобы мои руки не сделали ничего лишнего и я не жалел потом об этом, – он вымученно улыбнулся.

– Поцелуй меня, – одними губами прошептала Яна, парализованная странным, непонятным желанием.

Он приоткрыл глаза, вздохнул и слегка покачал головой. Она отстранилась и села, согнув плечи. Потом сокрушенно промолвила:

– Я все время думаю о тебе. Это так мучительно, когда мысли только о тебе и днем и ночью – да что там, каждое мгновение...

Роберт резко встал.

– Милая, если бы ты только знала, как мне дорого все, что происходит между нами, каждая минута, проведенная с тобой, – он с нежностью посмотрел на нее. – Я вижу все изгибы твоего тела, но не могу дотронуться до них, хотя и очень хочу. Красота тела может привлечь, но лишь красота души может удержать. Иди сюда.

Роберт притянул Яну к себе и обнял. Лицо его стало задумчивым, он начал говорить, словно делился с ней своими мыслями:

– Мне казалось, что я в какой-то момент стал бездушным чудовищем. Мир настолько жесток, что, совершив однажды ошибку, можно потерять себя навсегда. Говорят: если бы

не упал, не встал бы, если бы не увидел тьмы, не оценил бы и света... Я благодарен судьбе, что она мне даровала встречу с тобой. Я люблю, люблю тебя, детка. И это дает мне силы двигаться дальше. Я хочу всей душой, чтобы ты была моей, но я не знаю, не понимаю еще, имею ли на это право. Я должен измениться, изменить себя, достигнуть чего-то в этой жизни, более значимого, я чувствую в себе силы, чувствую, что способен на большее... Я ищу, ищу себя, свое место под солнцем, чтобы быть достойным и соответствовать... И не то чтобы я боялся взять ответственность за свои поступки, за физическую близость... Но я боюсь ранить твою душу и не осознал еще, имею ли я вообще основание врваться в твою безгрешную жизнь. Я хочу, чтобы ты приняла решение сама, но не сейчас, а когда уже будешь более взрослой и сможешь трезво оценить ситуацию... Сейчас общаются наши души, а тела... тела потом...

Яна украдкой посмотрела на любимого. Глаза его были полны грусти, он выглядел расстроенным, от обычного самоконтроля не осталось и следа.

Телефонный звонок пронзил тишину в самый неподходящий момент, когда хотелось так много сказать. Оба вздрогнули от неожиданности.

– Это мама. Меня ждут. Все собрались у бабушки на ужин.

— — — — —

[1] Луп (англ. loop петля, кольцо) – фрагмент звуковой или визуальной записи, замкнутый в кольцо (петлю) для его циклического воспроизведения.

* She's got it

Yeah baby she's got it

Well, I'm you Venus,

I'm your fire at your desire

Well, I'm your Venus

I'm your fire at your desire

Параллельная реальность

Жизнь, как прекрасна и удивительна жизнь! Господи, как же радостно на душе! Она сказала «люблю»! Как же хочется жить!

Он шел, душа его ликовала, от восторга хотелось закричать на всю улицу. Сердце учащенно колотилось, глаза лихорадочно блестели, нежность теплой волной разливалась по всему телу, растапливая остатки неуверенности в завтрашнем дне и закрывая дверь в прошлое.

И словно не было в его жизни хмурых, недобрых лиц и потерянных лет, не было разочарований и крушения надежд. Все изменилось, и теперь он желал лишь быстрее наверстать упущенное.

Человек не ценит, то, что ему дано, и жалеет только тогда, когда теряет...

Но Роберт сейчас не хотел думать об этом. Ему вспомнились слова отца, сказанные в качестве напутствия в день, когда он вышел из колонии: «Никогда не возвращайся в прошлое. Все, что было, принимай как бесценный опыт. Главное, делай правильные выводы и не повторяй одних и тех же ошибок. Надо идти вперед, не оглядываясь назад. А тот, кто тебе будет нужен, обязательно встретится на пути. Смотри вперед – и все получится!»

Отец, всегда молчаливый, надломленный жизнью, репрессированный поляк, отпахавший на каторжных работах и подорвавший там свое здоровье, если что-то и говорил, то всегда к месту.

И он будет смотреть только вперед... И ни шагу назад.

Роберт шел по знакомым улицам, своим привычным маршрутом, ветер развеивал его волосы, и казалось, что прохожие улыбаются ему ободряющими улыбками, словно были посвящены в его мысли и чувства.

День клонился к закату, уже остро ощущалась весна, она заявляла о себе пахучим сырým воздухом, журчанием ручьев, проталинками с кое-где показавшимися травинками и веселой мартовской барабанной дробью капель. «Кап-кап», – стучали капли под окнами, «Кап-кап», – падали с крыш домов и деревьев. «Кап-кап... кап-кап, скорее бы, скорее». Хотелось тепла, зеленой травы, цветущих деревьев, а еще первых хрустящих пахучих огурчиков со сметаной... Роберт блаженно зажмурился и вздохнул полной грудью пьянящий весенний воздух.

Он направлялся к Сереге в «Белую Акацию», где его ждали Борис и другие ребята. С Серегой они в последнее время приторговывали вещами на пару. Роберт ездил в Одессу на «толчок», Серега давал ему часть денег, а потом они вместе реализовывали товар.

В это время, Чуча с подружками сидела в «Акации» и уплетала бутерброды. Увидев, вошедшего в бар Роберта, она чуть не подавилась. Глаза ее блуждали в поисках Яны, но ее нигде не было, и Светка поняла, что Роберт пришел один. Толстушка заерзала на месте, пригнула голову и попросила девчонок прикрыть ее. Заняв наблюдательный пост, толстушка принялась пристально следить за ним.

– Ты его знаешь? – с восторгом спросила Вика, сидевшая с ней за столиком и не сводившая глаз с Роберта

– Да, – ответила Света, – он ходит с моей подружкой.

– С какой? – спросила другая девочка.

– С Яной Росиной, – с гордостью ответила Чуча.

– Боже, он такой красавец! – мечтательно закатила глаза Вика.

– Я знаю, что он одно время ходил с Наташей Голубевой.

– Не ходил, а трахался, и еще ее обижал сильно, – ответила Вика. – Мне Наташка жаловалась. Потом с Дашей Савельевой путался, а она та еще штучка, с кем только она не была. Кстати, Дашка не замужем, а беременная, может, даже и от него. И говорят, сейчас он живет с одной женщиной, у которой есть ребенок.

Глаза Чучи все больше и больше округлялись от изумления. Она слушала все эти сплетни раскрыв рот, стараясь не пропустить ни слова.

– Я знаю, что Дашка беременная и живет сейчас в деревне. Но не может быть, чтобы от него... Яна сказала, что она вышла замуж, – толстушка просто не могла поверить своим ушам.

– Она точно не замужем, я с ней виделась недавно, – заявила Вика. – Но она не призналась, от кого ребенок.

– А женщина, с которой он сейчас? Кто эта женщина? С каким ребенком? А сколько женщине лет? – выпрашивала Светка.

– Говорят, лет тридцать, а то и больше, – с презрением скривилась Вика.

– Боже мой... Она же совсем старая! – Чуча была в шоке. – Не может быть. Он любит Яну.

– Может, он и любит Яну, но трахается с другими, – заключила Вика.

– Откуда ты все это знаешь? – с возмущением спросила Чуча.

– Я школьная подружка Наташки Голубевой и соседка Дашкиной старшей сестры, – улыбнулась ехидно Вика. – Так что сведения достоверные! И может быть твоя Яна в пролете вообще. В Робина все девчонки города влюблены и я, между прочим, не исключение. Да только... толк с того...

Светка онемела от услышанного и некоторое время сидела совершенно пришибленная, хлопая ресницами и переваривая обрушившуюся на нее информацию.

Роберт тем временем подошел к Сереге. Они зашли в подсобку, пересчитали деньги и разделили.

– Я думаю нам надо перестраиваться и начинать зарабатывать большие деньги с меньшими усилиями, – Серега протянул ему кофе с бутербродом. – Сейчас повышенный спрос на золото. Изделия маленькие, а стоят намного дороже, чем шмотье, и еще навар в два раза больше. Ты же видел, ювелирка на Пушкинской всегда пустая. Как товар привозят, сразу раскупают, да в основном по своим все и расходится, а простому люду так ничего и не достается. Золото только из-под полы и можно достать.

– Ну а где брать-то его? – откусывая бутерброд, спросил Роберт. – Краденное?

– Нет. Я с ворьем не хочу связываться, – поморщился Серега. – Надо по селам близлежащим помотаться, райцентрам, подмазать продавщиц и все скупить на корню. А здесь быстро разберут, разойдется только так, вмиг, у меня концы есть. Можно даже под заказ возить. Часть денег я тебе дам. Пятьдесят на пятьдесят.

– А это не опасно? Если вдруг менты повяжут, а у меня на кармане, например, будет несколько сережек или колец? Что тогда? Вдруг подумают, что ворованное?

– Все опасно! Барменом работать тоже опасно, но я ведь работаю... – возразил Серега. – Кто не рискует, тот не пьет шампанское!

«Ему легко рассуждать, – подумал Роберт, – у него срока не было. Если меня повяжут, то дадут по полной, не отвертишься».

Он вздохнул. Но вслух сказал совсем другое:

– Да, надо попробовать! Я согласен! По рукам! Красиво жить не запретишь.

Роберт поднялся и направился в зал. Его уже ждал Борис и откуда не возьмись целая толпа каких-то девиц. Чуча внимательно следила за ним, особенно после услышанного. Одна из девушек просто вешалась на Роберта и не давала ему разговаривать с Борисом. Но так же явно было заметно, что он нехотя отвечает ей. Затем нахалка встала на цыпочки и зашептала что-то Роберту прямо в ухо. Он засмеялся и хотел отойти в сторону, но назойливая девица схватила его за руку и не отпускала. Роберт резко выдернул руку и демонстративно отвернулся. Чуча вздрогнула и обомлела.

– Вика, кто эта такая? Она ужасно вульгарная! – толстушка даже есть перестала.

– Это Людка. Спортсменка, греблей занимается, видишь, какие плечища здоровые? Она давно уже на Роберта глаз положила. Кстати, я вспомнила, она выспрашивала и про Яну. Так что предупреди свою подружку, Людка может и накостылять по роже. Она как пацан, – Вика рассмеялась.

В это время, словно почувствовав, что о ней говорят, Людка повернулась, увидела Вику, помахала ей рукой и направилась к их столику.

– Если она узнает, что ты Янина подруга... Лучше молчи, – шепнула Вика Светке на ухо.

– Господи, еще этого не хватало, – Чуча изменилась в лице и быстро засобиралась домой.

Роберт перекусил, пообщался с Борисом и вышел из бара. Ноги сами привели его к Жене. У него было прекрасное настроение, и она сразу же это заметила.

– Ты злишься на меня? – подходя к ней вплотную, спросил он. – Не надо! Не надо! У меня так хорошо на душе.

– Я не злюсь, но ты приходишь, когда тебе вздумается, а не тогда, когда я жду тебя! – тихо сказала она. – Я знаю, что ты не любишь меня... Я знаю.

– Не говори ничего, не надо портить наши отношения. Ты мне даришь тепло, я – тебе...

Женщина хотела возразить что-то, но Роберт закрыл ей рот ладонью.

– Тс-с-с, тихо... не двигайся!

Его руки потянулись к поясу Жениного халата. Женщина не сопротивлялась. Халат упал на пол. Роберт быстро и умело расстегнул лифчик и спустил бретельки, высвобождая грудь. Потом обнял Женю и притянул к себе, ощущая жар и трепет ее тела. Она потянулась к его губам, но он уткнулся лицом ей в шею. Она вздрогнула.

– Ты ни разу не поцеловал меня в губы. Почему? – прошептала она.

– Тс-с, молчи, ты же видишь, чувствуешь, что я хочу тебя, – он переместился ниже к ее груди.

Незаметно он снял с нее всю одежду, и Женя предстала перед ним обнаженной. Роберт взял ее ладонь и потянул вниз, желая, чтобы она коснулась его. Она запрокинула голову и задрожала от его горячего дыхания, обжигающего кожу. Прерывисто дыша, она потянулась к застежке его джинсов, расстегнула пояс и молнию. Он помог ей стянуть их с себя. Глаза их встретились. Роберт взял ее на руки и отнес в спальню. Обхватив юношу за шею, Женя выгнула спину и прильнула к нему, почувствовав, как он входит в нее. Она блаженно вскрикнула и прижалась к его покрытой капельками пота груди. Их тела двигались в одном ритме, доставляя друг другу обоюдное наслаждение; темп то нарастал, то затихал. Они потеряли счет времени. Женя обвила его руками, с силой прижимая к себе. Тело ее задрожало, доходя до вершины блаженства. Роберт удовлетворенно улыбнулся и откинулся на подушку, увлекая ее за собой.

Когда все закончилось, Женя легла к нему на грудь в полном изнеможении, не в силах пошевелиться, и незаметно заснула с улыбкой на губах, уткнувшись лицом в плечо Роберта.

Под утро, проснувшись, инстинктивно поняла, что его нет. Включила свет: да, он ушел. Женя села на кровати и закрыла лицо руками. Кто знает, когда он придет снова? Ее пронзило нечто, что не было ни болью, ни холодом, нечто намного более ужасное, чем прежде. Любящее женское сердце гулко стучало, а душа страдала, наполняясь пустотой и отчаянием невыносимого одиночества.

Обнаружив на столе деньги, Женя горько заплакала. Душевная боль всегда внезапна. В отличие от боли физической, к ней нельзя подготовиться или привыкнуть, она накрывает с головой и не отпускает. Только время может быть лекарством и то не всегда...

Яна сидела на уроке и смотрела в окно. Как же хочется на улицу, подышать свежим весенним воздухом, полюбоваться, как тает снег, как сосульки капелью стекают на землю. Но веселая капель возвещает не только о солнечных и теплых днях, но и о грядущих выпускных экзаменах.

Яна рассеянно смотрела в окно, улыбаясь прекрасному весеннему дню, и даже не сразу уловила прищуренный взгляд Алика Сташевского. От неожиданности она вздрогнула и отвернулась, уставившись в тетрадь. Прозвенел звонок, и Яна поспешно вышла из класса. Светило яркое весеннее солнышко, воздух был прозрачен и свеж, а небо было чистым и голубым. На деревьях уже кое-где набухали почки.

Настроение поднималось уже от того, что все ожило. Яна обернулась и увидела, как Сташевский стоит на крыльце и с наслаждением потягивается, блаженно улыбаясь. «Словно мартовский кот», – подумала Яна и про себя усмехнулась. Он тоже уловил ее взгляд и резко выпрямил спину, будто его застукали на горячем. Улыбка сошла с его лица, и Алик отвернулся.

«Ну вот, опять все сначала», – подумала Яна. И вдруг поняла, что она не может ни с кем нормально дружить. Среди девочек в классе близких ей по духу как таковых нет. С Вадимом, Аликом, даже с Денисом Владимировичем – совершенно запутанные, сложные, неоднозначные отношения. Все как-то неясно, непонятно, несмотря на то, что присутствует взаимный интерес и даже какое-то неуловимое влечение. Она чувствовала, что у нее есть невидимая связь со всеми ними. Ну а про Роберта вообще говорить нечего: там все как в тумане – призрачно, загадочно, зыбко и тревожно... Яна запуталась и ничего не понимала. Ну почему так? Почему?

На солнышко медленно выползла Чуча и, закрываясь ладонью от яркого света, направилась к ней.

– Я приду к тебе сегодня уроки делать, – тон ее был скорее утвердительный, нежели вопросительный.

Яна подняла брови.

– Я еще не знаю... – замялась она. Ей совсем не хотелось сегодня видеть Чучу. И Светка это почувствовала, а ей необходимо было во что бы то ни стало попасть к Яне. Наталия Ивановна разговаривала с ее мамой и категорически заявила, что если Светка еще раз придет в школу с пустыми тетрадками и не будет делать домашних заданий, то не получит аттестат. Мама наказала Светку, закрыв ей доступ к холодильнику и посадив на строгую диету, кормила ее сама, только три раза в день, совершенно обычной пищей, никаких там тебе копченых колбасок, ветчины, икры, красной рыбки, шоколада и конфет. Светка страшно нервничала – без перекусов она не могла жить. У нее портилось настроение, и она впадала в уныние.

– Мне надо с тобой поговорить про Роберта, – толстушка украдкой взглянула на Яну, пытаясь понять, произвело ли на нее хоть какое-то впечатление это заявление.

Яна с интересом посмотрела на нее.

– У меня вечером дополнительные занятия по физике, – в раздумьях сказала она.

Светка напряженно сверлила ее глазами и поняла, что у Яны совсем другие планы, и она никак не вписывается в них. Поэтому вдруг выпалила:

– Я не хотела тебе говорить сразу, но, как подруга, все же должна рассказать кое-что о нем, – толстушка поджала губы и опустила ресницы.

Яна занервничала и метнула на подругу вопросительный взгляд.

– А сейчас ты не можешь мне рассказать?

– Не-ет, это долгий разговор, – вздохнув, протянула Светка.

– Ну, разве что сразу же после школы, – согласилась Яна, сгорая от любопытства.

И сколько она ни приставала к Чуче с расспросами, та ей так ничего больше и не сказала.

На уроке литературы ученики разбирали сцену объяснения Наташи Ростовской с князем Андреем Болконским в романе Льва Николаевича Толстого «Война и мир».

– Итак, два основных героя, к которым сам Толстой, несомненно, относился с большой симпатией. Судьба свела Андрея и Наташу, они полюбили друг друга, но их взаимоотношения не были простыми. О них я сегодня и хочу поговорить, а потом мы напишем на эту тему сочинение. – Светлана Сергеевна вышла из-за стола и прошлась между партами. – Откройте том

второй. Часть третью, главу двадцать третью... Сташевский, начинай читать все, что касается Андрея Болконского.

Алик нехотя оторвал взгляд от окна, открыл книгу и начал читать:

– «Для женитьбы нужно было согласие отца, и для этого на другой день князь Андрей уехал к отцу...»

– Слушайте внимательно и следите по тексту, – сказала Светлана Сергеевна. – Я буду называть следующего, кто будет продолжать за Сташевским...

Алик без всякого выражения читал текст, бубня себе под нос.

– Так, – Светлана Сергеевна обвела взглядом класс. – За Наташу Ростову весь текст читает Росина.

В классе послышались смешки.

Яна хмыкнула:

– «Мама, Болконский приехал!» – с выражением прочитала она. – «Мама, это ужасно, это несносно! Я не хочу... мучиться! Что же мне делать?..» – голос ее звенел.

Смешки стали громче.

– Тихо! – строго прикрикнула на них Светлана Сергеевна. – Посмотрим, как вы сочинение напишете. За автора читает Саша Погодин, – распорядилась она. В классе продолжали хихикать.

Сашка вздрогнул от неожиданности и замешкался, так как не следил за текстом.

– Почему за автора? – спросил он, пытаясь потянуть время, а сам лихорадочно искал абзац, с которого надо читать. – Я тоже хочу быть персонажем.

– Ты и без «Войны и мира» хороший «персонаж», – улыбнулась Светлана Сергеевна. А весь класс уже смеялся в голос.

– Да тихо вы! – снова повысила голос учительница. – Саша, ты ведь не можешь найти свой абзац? Ладно, начни отсюда. – Она подошла к нему и показала нужное место в тексте.

– «Князь Андрей подошел к ней, опустив глаза», – трагическим голосом прочитал Сашка. Сташевский нехотя произнес:

– «Я полюбил вас с той минуты, как увидел вас. Могу ли я надеяться?» – он запнулся.

Яна покраснела. В классе продолжали смеяться.

– Я больше не буду читать за Болконского, – твердо заявил Сташевский.

– Можно я буду за него? – тут же оживился Сашка.

– Что за торговля? – возмутилась Светлана Сергеевна. – Никто больше читать не будет, слушайте, записывайте и запоминайте. Эта тема сочинения, вполне возможно, попадетя вам на выпускных экзаменах в школе, а также на вступительных в институте.

Класс сразу притих и обратился в слух.

– Наташа Ростова полюбила Болконского и она как будто даже не слышит князя Андрея, который, сделав ей предложение, сообщает о страшном для нее условии. Отсрочка свадьбы на год. Мы все время слышим ее внутренний монолог, в котором перед читателем разворачивается целая гамма чувств. Смысл слов князя Андрея об условии их свадьбы не сразу доходит до сознания Наташи. Ведь главное – она любит и любима, вот оно, счастье, которого она так ждала. Но рациональный князь Андрей уже успел проанализировать и грядущее расставание, и свое новое чувство по отношению к Ростовой. Он готов к испытанию, поскольку чувствует «...тяжелое и вместе радостное сознание долга, навеки связавшего его с нею». Но готова ли Наташа? Как гром, поражает ее открывшийся наконец смысл слов князя Андрея. «Целый год! Это ужасно! Нет, это ужасно, ужасно! Я умру, дожидаясь года».

Интуитивно Наташа поняла то, чего не смог понять такой умный и опытный князь Андрей. Нельзя остановить «живую жизнь», она отомстит жестоко и страшно. И пусть пока Наташа гонит от себя это предчувствие, будущая трагедия, которая привела к разрыву двух

любящих людей, уже зреет в момент самого высокого взлета их чувств, самого полного их счастья – в момент объяснения в любви.

Сташевский слушал внимательно. Вдруг он побледнел и, не контролируя себя больше, устремил свой горящий взор на Яну. В эту минуту он совершенно пронзительно и отчетливо понял, что осталось совсем не так уж много времени до того момента, как они расстанутся, а он до сих пор не использовал эту возможность и так и не сказал, вернее, не посмел сказать ей что-то очень важное и значимое. И если он этого не сделает, то в его размеренной и рациональной жизни никогда не появится ничего яркого, праздничного, светлого и в то же время сумасбродного.

Яна словно угадала его мысли и тут же подняла глаза. Их взгляды встретились, и они несколько мгновений внимательно смотрели друг на друга. Оба подумали об одном и том же. Нельзя откладывать ничего на потом, иначе никогда не наступит тот момент, который может изменить ход событий, круто и бесповоротно развернуть всю последующую жизнь в другое русло.

В шестнадцать лет время тянется бесконечно долго, так и хочется подтолкнуть стрелки часов, но иногда на пороге чего-то важного ты останавливаешься и замираешь, растягивая мгновения перед тем, как принять решение и сделать шаг вперед...

«Как я буду жить без нее?» – подумал Алик Сташевский, и сердце его сжалось.

Прозвеневший звонок вывел его из оцепенения. Схватив портфель, он стремительно выбежал из класса. Ему захотелось дождаться Яну, подойти к ней, если хватит сил, или хотя бы проводить взглядом. Но, увидев, что на крыльцо она вышла не одна, Алик повернулся и быстро зашагал к дому.

Яна с Чучей медленно брели по мокрым улицам.

– Вон Сташевский несется впереди, – хмыкнула Светка.

– Я его никогда не понимала, не понимаю и, наверное, уже не пойму, – вздохнув, сказала Яна. – Так что там насчет Роберта?

– Идем ко мне. Сядем, пообедаем. Если я приду с тобой, то мама нас накормит по-человечески, – глаза Чучи загорелись, она знала, что для Яны холодильник будет открыт. – Поговорим потом.

– Светка, что, плохие новости? – с тревогой заглядывая ей в глаза, спросила Яна. – Что ты узнала? Ну, говори, не томи.

Чучина мама пришла в полный восторг, когда увидела Яну. Засуетившись, она помчалась на кухню.

– Сейчас, девочки, будем обедать – и за уроки. Я так рада, Яночка, ты настоящая подруга, помоги этой лентяйке окончить школу, и ее сразу же надо будет пристроить замуж.

И она замурыкала какую-то песенку себе под нос. Вскоре на столе появились аккуратно нарезанная копченая колбаска, ветчина, в отдельных хрустальных вазочках – черная икра, густые сливки, консервированные креветки в майонезе и другие дефицитные вкусности.

Светка ликовала и втихаря от нетерпения потирала ладони. Яна метнула на нее негодующий взгляд.

– Ты же мне обещала что-то!

– Сейчас, сейчас, – Светка в предвкушении закатила глаза. – Не хочу портить себе настроение, а тебе аппетит перед едой, – невинно заявила она.

– Боже, что случилось? – в сердцах вскрикнула Яна и всплеснула руками. – Можешь считать, что аппетит у меня уже испорчен.

– Поверь, ничего страшного, – стащив со стола кусок ветчины, промямила Светка. Поворовски оглянувшись на дверь, она с вождением запихнула в рот вслед за ветчиной кружок копченой колбасы и, с наслаждением жуя, сказала: – Это не стоит твоего аппетита. Можешь есть спокойно.

Яна напряженно смотрела на подругу, скривившись от отвращения. В эту минуту она ее ненавидела.

– Да скажи хотя бы, хорошее или плохое?

– Я тебе все скажу, перед тем как мы будем делать математику, тогда у меня все равно настроение будет испорчено.

Яна в недоумении подняла брови.

В комнату зашла Чучина мама, неся блюдо с картошкой и мясом.

– Яна, что ты сидишь как в гостях. Кушай! – заботливо сказала она, накладывая ей пюре в тарелку. – Бери котлетку или колбаску, что хочешь?

Яна уже ничего не хотела. Мысли ее метались, она лихорадочно соображала, что же такого ей может сообщить Чуча о Роберте.

Обед тянулся мучительно долго, и за это время она вся извелась.

– Ну все, – решительно сказала Яна, вставая из-за стола, – мы можем не успеть сделать уроки, у меня дополнительные занятия сегодня, я должна скоро уходить.

– Хорошо, – с готовностью сказала Светкина мама, к великому недовольству Чучи. – Чай с пирожными будете пить потом.

Наконец они остались в Светкиной комнате одни.

– Давай разложим тетрадки и книжки, на всякий случай, если мама зайдет, – предложила Чуча.

– Я все сделаю сама, – нетерпеливо подтолкнула ее Яна. – Только рассказывай.

– Я была в «Белой Акации» с Викой Луневой и ее подружкой, мы зашли туда перекусить. Заказали бутерброды, дай припомню, с чем... – Чуча остановилась, собираясь с мыслями.

– Ну, ну, говори, что дальше, – Яна уже теряла терпение. – Мне неинтересно, что вы ели.

– Так вот, зашел Роберт...

Яна вся подалась вперед.

– Ты знаешь, а я-таки не помню, с чем были бутерброды, – совершенно искренне улыбнулась Чуча.

Яна еле сдержалась, чтоб не стукнуть ее.

– С кем он был? – быстро спросила она.

– Он был один, но Людка, гребчиха, такая здоровая, ну ты ее знаешь по городу, все время цепляла его...

– Ну а он, как он на это реагировал? – с нетерпением спросила Яна.

– Никак, просто отошел от нее, – Чуча нервно соображала, как помягче передать главную часть разговора с Викторией.

– Ну, и это все? Роберт очень избирательный. Людка никогда бы ему не понравилась, – с облегчением вздохнула Яна и откинулась на спинку стула, расслабляясь.

– Ты все же будь осторожна, она на Роберта глаз положила и о тебе выпрашивала. Может полезть разбираться, она грубая как пацан, – предупредила ее Чуча, а сама думала: как сказать? Как же сказать?

– Яна, ты же знаешь, что он спал с Наташкой и с Дашкой? – выпалила Чуча и опустила глаза.

– У меня были подозрения. Но... нет, я не верю.. А ты откуда это взяла? – спросила Яна и поморщилась, этот разговор был ей ужасно неприятен.

– Вика сказала, она знает это от Наташкиной подруги и Дашкиной не то сестры, не то соседки, я уже и забыла. А еще говорят, что он трахается с какой-то тридцатилетней теткой, у которой есть ребенок...

– С Женей!? Не может быть! Нет, это не правда... Но всех этих сплетен я не переживу! – прошептала Яна, побледнев и меняясь в лице. – Боже мой, какой позор! – И, закрыв лицо руками, она заплакала.

Чуча обняла ее и тоже заплакала.

– Яна, он тебя любит, но боится трогать. А он же уже взрослый, ему аж девятнадцать лет, мужчина-а-а все же, ему надо... – всхлипывала Светка

Яна безутешно рыдала у нее на плече. Дальше все было как во сне: они что-то писали в тетрадке, Яна спешила, ей хотелось как можно быстрее остаться одной.

Придя домой, она никак не могла сосредоточиться на уроках и слонялась по квартире, не находя себе места.

Около шести вечера пришли родители. Мама побежала сразу на кухню, а папа пошел в магазин за хлебом. Когда он вернулся, ужин был уже на столе.

– Яна! – позвала дочь Дина Павловна. – Иди есть!

Девушка появилась на пороге кухни, пряча глаза. Аркадий Семенович был недоволен и ворчал:

– Что, нельзя было сходить за хлебом? Взрослая деваха, а вообще ни к чему не приспособлена, по дому ничего не делает, ее муж выгонит на следующий день...

Яна метнула на отца недоуменный взгляд: обычно он никогда не делал ей никаких замечаний, даже тех, что касались хозяйства, хотя сам был редкий аккуратист. Уборка и порядок в доме держались не нем.

– Что ты бурчишь, Аркадий, ты же знаешь, какая у нее сейчас нагрузка, – вступилась мама. И вдруг заметила: – Опять редела, что ли? Ну-ка рассказывай, что к чему!

У Яны задрожали губы, и она пулей вылетела из-за стола. Дина Павловна тут же вышла следом.

– Что произошло? Опять Роберт? – мама негодуя сверлила дочь взглядом.

– Ма, я тебя так люблю, – и Яна полезла к ней целоваться.

Мама обняла ее.

– А как я тебя люблю! Ты моя радость!

– Ма, мне больше не у кого спросить... – Яна всхлинула. – Может ли мужчина любить одну женщину, а спать с другой?

Дина Павловна, застигнутая врасплох, недоуменно захлопала ресницами. Потом выпрямилась и категорически заявила:

– Нет! Если любит, не может.

Яна всхлинула громче, и крупные слезы покатались у нее по щекам.

– Что за глупости? – уверенно заявил Аркадий Семенович, заходя в гостиную. Он слышал их разговор. – Конечно, может!

– Что ты такое говоришь ребенку? Что за мерзость такая! – зашипела на мужа Дина Павловна, сверля его возмущенным взглядом. – Вот это мужская позиция и сущность! Ты что, по себе судишь?

– Никакая не мерзость! Мне в этом плане повезло, – быстро заговорил Аркадий Семенович и испуганно метнул взгляд на жену, – я как раз люблю и сплю с одной женщиной.

Дина Павловна примирительно поджала губы.

– Но бывают такие ситуации в жизни, – продолжил он, – например, когда любовь безответная, или мужчина находится долгое время далеко от любимой женщины. В данном случае не надо путать чувства с физиологией. И потом, никогда не надо ковыряться в грязном белье.

– Папа, ну а в моем случае как? – рыдая, спросила Яна.

– В твоем случае... – отец задумался. – Если бы Роберт тебя хоть пальцем тронул, я бы ему башку и еще кое-что свернул, не раздумывая, своими собственными руками, – и он сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

– Ну он меня не тро-о-огаает, а спит с други-и-и-ими, – плакала Яна.

– Лучше пусть спит с другими, – примирительно произнес Аркадий Семенович.

– Да он мерзавец! – вскричала Дина Павловна.

– И ничего подобного! Он же не евнух тебе какой-то. Живой нормальный парень. Если спит с другими, значит, у него все на месте. Было бы странно, если бы он ни с кем не спал... Яна, как ты узнала? – спросил папа.

– Чуча рассказала, а ей Вика Лунева, а Вике Луневой – еще какая-то девочка, – Яна громко вздохнула, вытирая слезы.

– О-о-о, слушай ты эти бабские сплетни побольше. Все это может быть брехня на постном масле. Главное, как он к тебе относится. Бережно? – пылливо спросил отец.

– Бе-е-ережно, – снова зарыдала Яна.

– Ну, это главное, – Аркадий Семенович обнял дочь и поцеловал ее волосы.

– Откуда он только взялся на нашу голову, этот Роберт! – с раздражением в голосе проворчала Дина Павловна.

– Так что же мне делать? – в сердцах выпалила Яна.

– Выбросить его из головы! – мама решительно ударила ладонью по столу.

– Поговори с ним, если не сможешь смириться с этим, – посоветовал папа. – Или молчи, делай вид, что ты ничего не знаешь.

– Хорошенькие советы ты даешь своей несовершеннолетней дочери! – выпалила Дина Павловна. – Гони его, Яна, пока не поздно. Он не пара тебе. Темная личность! Мы о нем ничего не знаем!

Яна поняла, что беседа переходит совсем в иное русло, и поспешила укрыться у себя в комнате. Она так ничего и не поняла и не выяснила. Значит, нет никакого совета в жизни по этому поводу. «Какая-то параллельная реальность», – подумала девушка.

– Яна, в понедельник у дедушки день рождения. Смотри не забудь поздравить! – крикнула мама ей вдогонку.

– Ах да. 15 марта! Точно. Не забуду. А мы праздновать будем? – спросила Яна.

– Да, приедут гости из Николаева. Бабушкина сестра с мужем и дочерьми, моими сестрами. Я так рада, соскучилась по ним всем очень, – мамин голос потеплел. – Всю войну вместе и голодное наше детство, последней корочкой хлеба делились друг с другом. Как я их люблю! Я тебе потом расскажу целую историю нашей семьи. А сейчас спать, солнышко, – и мама прижалась губами к ее волосам.

Зачарованные весной

В школе начались весенние каникулы. Конец марта, а погода не балует. Яна с Чучей шли по Пушкинской в сторону «Снежинки» – излюбленного места встречи «центральной молодежи». Там можно было со всеми повидаться и узнать последние новости и сплетни – кто с кем встречается, кто с кем расстался и кто в кого влюбился.

– Очень сыро, – сказала Чуча. – Похоже скоро начнется дождь. Как ты ходишь без шапки? – И с завистью посмотрела на подругу. – Впрочем, с твоей шевелюрой это возможно.

– Может, пойдем в кино? – предложила Яна. Они как раз проходили мимо афиш.

– Там невкусные пирожные. В «Снежинке» заварные намного лучше, – со знанием дела сообщила толстушка.

Яна остановилась посмотреть афиши и столкнулась с Викторией Луневой.

– Ничего интересного нет, – констатировала Чуча.

– Да, – с досадой согласилась Вика. – На каникулах и сходить-то некуда. Приличных фильмов вообще не показывают!

– Хочется посмотреть что-то заграничное и про любовь, например, показали бы «Ромео и Джульетту», нам уже шестнадцать и уже пропустят. А тут все про всяких баб в деревне и пере-выполнение плана, – фыркнула Светка.

Посоветовавшись, девочки направились к «Снежинке». В кафе, несмотря на дневное время, было полно народу – в основном, конечно, молодежь. Чувствовались весенние каникулы.

Чуча сразу же стала в очередь, а Яна начала озираться по сторонам.

– Его нет, я уже посмотрела, – предупреждая ее вопрос, сообщила Светка.

Девочки взяли пирожные и заняли место у окна. Вдруг Света переглянулась с Викторией, ее глаза округлились, и она насторожилась.

– Яна, Людка-гребчиха здесь. Она о тебе все выспрашивала. Подойдет – не задирайся, у нее не все дома.

Яна вздохнула:

– Что ей надо от меня? Пусть они все с Робертом разбираются.

Ростом, фигурой и манерами Людка больше напоминала парня, чем девчонку. Нагло-ватоделовая, эмоциональная и очень подвижная, она не могла устоять на месте ни секунды и все время крутила головой по сторонам, как будто ждала или выискивала кого-то. Создавалось впечатление, что она всех тут знает. Совершенно не смущаясь, Людка подходила к отдельно стоящим компаниям как к своим давним знакомым. При этом она фамильярно здоровалась, громко разговаривала и смеялась, делая вид, что своя в доску. Такой вызывающей беспардонностью эта девица многих шокировала. Яна смотрела на нее с презрением и в то же время с опаской, понимая, что от такой непредсказуемой личности и ожидать можно чего угодно.

Обойдя почти всех, Людка обратила внимание на Чучу, Яну и Вика. На секунду замерла, разглядывая всю компанию, а потом стремительно направилась к ним.

– А, вот я теперь поняла, о ком речь! Всем привет! Ну-ка идем в сторонку, потолкуем, – и неожиданно обхватив Яну за плечи, поволокла ее к выходу.

– Люда, что ты делаешь? – крикнула ей Вика. – Ты же ее задушишь!

Яна просто оторопела от такой неприкрытой наглости и поэтому на некоторое время впала в какую-то прострацию.

– Отцепись! – возмущенно огрызнулась она, пытаясь вырваться из железных объятий навязавшейся на ее голову девицы. – О чем ты хочешь потолковать?

Оценивающий взгляд прищуренных глаз смерил Яну с ног до головы. Так обычно смотрят на девушек парни.

– А ты красивая, – заметила Людка, отпустив Яну, – только мелкая какая-то. Так, девки, – она махнула рукой остальным. – Айда во двор, у меня бутылка портвейна с собой. Берите свои пирожные.

И потащила Яну к выходу. Девочки переглянулись, но быстро взяли пирожные и вышли следом, боясь оставить подругу с ней наедине.

– Люда, я не пью, что ты вцепилась в меня, – Яна пыталась держать себя в руках и говорить с ней спокойно, как обычно ведут себя с сумасшедшими, не желая вывести их из себя.

– Да лано те, все пьют на шару! – скривилась Людка. – За «Снежинкой» есть подворотня и задний двор, идите за мной.

Закинув свою ручищу Яне на плечо, она завернула за угол. Девочки поспешно последовали за ними. Чуча была явно напугана. Людка ловко, как заправский мужик, откупорила бутылку портвейна. Яна в полной прострации, как замороженная, следила за ней. «Почему все идут на поводу у этой наглой и беспардонной дуры? – думала она. – И что вообще я здесь делаю?»

– Пей, – приказала ей Людка и протянула бутылку.

– Я не пью, – Яна протестующе замотала головой и отвернулась.

Людка скривилась в недовольной мине:

– Пей, я сказала! – И, грубо прижав девушку к стенке, приставила к ее губам бутылку.

– Дай мне, – послышался испуганный голос Чучи, – я буду пить.

– А с тобой вообще никто не разговаривает, – резко оборвала ее девица.

– Что ты ко мне привязалась? – возмутилась Яна, охваченная все нарастающей паникой.

Людка как будто ждала этого:

– Пей, не зли меня, могу и внешность подправить. – И как бы в шутку показала Яне кулак.

Уловив холодную решимость в Людкиных глазах и неумолимую напряженность в лице, Яна поняла, что никакие разумные доводы на нее не подействуют. Мысли метались и кружились. Она озиралась по сторонам в поисках возможных путей к бегству. Но, поняв, что вырваться ей не удастся, взяла бутылку из рук противницы и, кривясь от отвращения, отпила глоток горьковато-кислого портвейна.

– Еще, еще, молодец – приказывала Людка. – Будем стебаться с тобой, когда напьешься. И Роберт как раз должен подвалить, вместе и посмеемся.

– Люда, успокойся, – попросила ее Вика и попыталась забрать бутылку, но та ее грубо оттолкнула в сторону. Девочки испуганно стояли в стороне и смотрели на эту жуткую сцену.

– Пей давай, еще, еще! – командовала гребчиха, войдя в раж.

Яна стояла спиной к стене, не зная, как ей сбежать.

– Ладно, черт с тобой, – вдруг выпалила она, встряхнув своими золотистыми кудрями. – Думаешь, мне слабо? – И решительно потянула бутылку к себе. Людка не ожидала такого хода событий и удивленно подняла брови. Яна сделала еще один глоток, а потом резким движением запустила портвейн в противоположную стену. Бутылка с грохотом разлетелась на мелкие осколки, оставив на стене безобразную багровую кляксу.

– Ах ты! – Людка остолбенела от неожиданности и замахнулась для удара. Но в это момент во двор влетел Роберт, на ходу крича:

– Ты что? Очумела? – и в одно мгновение оказался рядом с Яной, заслоняя ее собой. – Я тебе закрываю дорогу в город! И сейчас всех предупрежу! Ты больше никогда здесь не появишься! Поняла? – На его щеке дернулся мускул, глаза сузились.

Людка побледнела и потерянно замолчала. Куда девалась вся ее спесь и бравый вид?

– Поняла? – угрожающе повторил Роберт.

– Поняла, – пролепетала обескураженная девица побелевшими губами.

– Сейчас же извинись и вали отсюда, и чтоб я тебя больше никогда не видел! – угрожающе процедил он.

– Извини, Яна, это была шутка, – дрогнувшим голосом проговорила Людка.

– Обходи мою девушку десятой дорогой и не попадайся мне на глаза! Поняла? Мне на глаза не попадайся! Урою! – уверенно, чеканя каждое слово, еще раз повторил Роберт. У него был настолько решительный и возмущенный вид, что у Людки не возникло ни капли сомнения в его дальнейших намерениях. Она закрыла лицо руками и побежала прочь со двора.

– Роберт, ты как всегда вовремя! – радостно провозгласила Чуча.

– Ну все! Как они мне надоели! Ну просто как в мире животных! – не в силах больше сдерживать себя, Яна заплакала.

Роберт попытался ее обнять и утешить. Но она вырвалась и отвернулась.

– Чего они хотят от меня? Пусть разбираются с тобой! – возмущалась Яна, размазывая слезы.

Роберт в растерянности посмотрел на Чучу с Викой.

– Мы лучше пойдем, – толстущка поняла его без лишних слов.

Девочки ушли, оставив их вдвоем.

– Милая, ну как мне тебя защитить, оградить от таких сумасшедших? Ты же понимаешь, что у нее не все дома? Она ходит за мной уже сколько времени, я ее не раз посылал, честно! Ну посмотри на нее, где она и где я! – Роберт пытался успокоить Яну, но не находил нужных слов, только смотрел неотрывно на ее дрожащие от обиды пунцовые губы.

Вдруг резко похолодало, пошел крупный косой дождь из сумрачных, низко нависших туч. Сначала капли были редкие, потом загустели и посыпались непрерывным потоком им на голову, подгоняемые порывами пронизывающего насквозь ветра.

Роберт схватил растерявшуюся девушку за руку и увлек ее под небольшой навес. И как раз вовремя. Дождь с беспощадной яростью забарабанил по крыше, стекая на асфальт, собираясь в большие пенящиеся лужи, вымывая после зимы замусоренный, унылый, грязный двор. Они стояли и как замороженные смотрели на косые потоки дождя, лившего плотной завесой из наклонных линий, отгораживающей их от всего остального мира. Яна дрожала от напряжения и холода, изо всех сил пытаясь взять себя в руки, и угомонить бешено бьющееся сердце, пронзенное острыми иголками отчаяния и боли. Только Роберт мог довести ее до такого состояния. В своих эмоциях она то взлетала до небес, то с головокружительной скоростью падала вниз, разбиваясь на тысячи мелких осколков, готовая вновь собраться и взлететь на недостижимую вершину все новых и новых чувств и ощущений.

Роберт смотрел на Яну сверху вниз, будто хотел запечатлеть каждую ее черточку в своей памяти, и нежность переполняла его душу. Вот она, рядом, и больше ничего в этом мире не надо. Он протянул руку к ее лицу и погладил по щеке осторожно и бережно, будто дотронулся до самого тонкого и хрупкого хрусталика на свете. Как замороженный он смотрел, как крупные горячие слезы, застывая в ее печальных, широко раскрытых глазах, накапливаются, переливаясь через край, и катятся по щекам. Она зажмурила веки. Ресницы мгновенно задрожали, и новая крупная слеза побежала вниз к ее губам. Сейчас ему так хотелось взять ее на руки и прижать к своей груди. Всякий раз, думая о ней, Роберт убеждался, что чувства растут и переполняют его, поднимая до вершины отвесной скалы, зыбко вибрирующей у него под ногами, и стоит сделать неосторожный шаг, как он слетит, скатится куда-то в пропасть. И тогда счастье его, такое хрупкое и неуловимое, исчезнет навсегда, как призрачный мираж. Он встряхнул головой, словно высвобождаясь из невидимой паутины.

Никогда он не чувствовал в себе такой острой потребности защитить. Никогда прежде женщина не завладевала всеми его помыслами. Сейчас ему встретилась девушка гордая, искренняя, лишенная всякой испорченности и порочности. И в то же время от всего ее облика веяло чем-то сильным и смелым, стремительным и страстным. И днем и ночью он думал лишь

о ней. Он старался держаться от нее как можно дальше, насколько позволял это маленький город. Но это был всего лишь самообман, его влекло к Яне все сильнее, и скрыться от этого притяжения не было никакой возможности.

Роберт почувствовал, как она дрожит от холода, и, очнувшись от своих мыслей, расстегнул куртку, обнял и засунул ее ледяные ладони себе под мышку. Яна хотела отдернуть руки, но ей стало так тепло и приятно, что она не сделала этого. Пальцами он провел по застывшим на щеках слезам и с трепетом прикоснулся к ним губами.

– Прости меня. Прости, – только и сказал он.

– Ты опять гипнотизируешь меня! Я не хочу тебя видеть! – пробормотала девушка, сильнее прижимаясь к его груди. Роберт укрыл ее полами своей куртки и крепко обнял, зарывшись в ее кудрях.

– Я не знаю, как выразить словами, что я чувствую к тебе, – прошептал он.

– Перестань, я тебе не верю, – на выдохе сказала она, не в силах отстраниться от него.

– Почему? Почему не веришь?

– Ты спишь с другими! И не только я об этом знаю! – вдруг вырвалось у нее. Яна сама от себя такого не ожидала и страшно испугалась, сказав это. Застыла, боясь поднять голову и заглянуть ему в глаза.

В ту же секунду сердце Роберта пропустило удар, замерло на мгновение и вдруг заколотилось так громко, что гулкий стук его ударов, казалось, заглушил шум дождя, барабанившего по ветхой крыше навеса. Яна резко отстранилась и подняла голову, вглядываясь в его глаза.

Застигнутый врасплох, Роберт совершенно растерялся и не мог проронить ни слова. Что-то взорвалось у него внутри, и он не знал, сколько времени простоял так, минуту или вечность, оглушенный услышанным. Стало ясно, что если Яна не поверит ему сейчас, то он может потерять ее навсегда. От одной этой мысли предательский комок подступил к горлу.

Как объяснить ей, что в его жизни не было ни самых ярких лет юности, ни романтических отношений, ни радостей первой любви, ни выпускного бала, а только страшная школа жизни. Как признаться, что уже в пятнадцать он был в колонии для малолетних преступников...

Сейчас Яна для него все. Его первое настоящее чувство и замена его потерянными годам и утраченными возможностями. Прошлое подобно тени: можно притворяться, что не замечаешь ее, можно игнорировать, не обращать внимания, можно надеяться, что она исчезнет, но это всего лишь иллюзия, потому что эта тень будет всюду следовать за тобой, пока ты жив.

Время словно замерло в шуме дождя. Для Яны в этот момент во всем мире больше ничего не существовало, кроме его огромных, растерянных и изумленных глаз.

– Ты никого не слушай! – приходя в себя, с трудом начал говорить Роберт. – Верь мне! Пожалуйста, верь! – просил он. – Ты – самое дорогое, что есть у меня! Это правда, правда, – в его голосе слышалось отчаяние. – Милая! Никого не слушай! Только то, что ты чувствуешь ко мне! Это главное.

Яна слушала его как замороженная, ее сотрясала мелкая нервная дрожь. Не в силах вымолвить ни слова, она только очень внимательно смотрела на него и молчала.

Он зажмурил глаза, собираясь с мыслями и обдумывая, что же ей такого сказать, чтоб не врать, зная, что она поймет, прочувствует ложь сразу. Мысли путались и разбредались. Роберт не знал, как объяснить ей.

– Мужчина так устроен, детка. Это большой и умный зверь, самец. И я тоже не исключение. Это физиология и инстинкт животного. Обман происходит не на физическом уровне, а в мозгах. Когда ты спишь с одной, а любишь другую, ты прежде всего обманываешь себя... Когда это между нами произойдет, я знаю, я чувствую, что ты будешь той единственной, и мне не придется себя и кого-либо другого впредь обманывать. Я не хочу, понимаешь? Не хочу никого обидеть! Верь мне! Все мысли о тебе, и сердце мое, и душа принадлежат только тебе.

И я хочу, мечтаю, чтобы мое тело принадлежало только тебе, тебе одной... Ты понимаешь меня? Милая, скажи! Скажи что-нибудь. Для меня это важно, – молил он.

Яна не могла прийти в себя. Она только знала, что жить без него уже не может. Ее помыслы и чувства были далеки еще от чего-то физического, только душа пылала, стремясь к нему... Яна старалась понять Роберта, но не знала, как должно быть на самом деле. Она ему просто верила.

Роберт замер в ожидании, не в состоянии прочесть ее мыслей, даже не догадываясь о ее полной неосведомленности и наивности... Он признался, сказал правду и теперь с замиранием сердца ждал приговора.

«Простить его? – словно во сне, думала она. – За что? Не знаю, не знаю». Ее мысли металась между словами и доводами, и между ее гордостью, ревностью и болью. И все же она чувствовала, что он любит ее, ей оставалось лишь поверить своему сердцу.

За плотной пеленой дождя ничего нельзя было разглядеть. Роберт стоял на мелькающем сером фоне этой дождевой завесы, как на экране испорченного черно-белого телевизора, и вся эта картина казалась Яне нереальной. Она словно наблюдала со стороны. «Этого не может быть, это все не со мной, – думала она. – Неужели этот взрослый, большой и красивый парень любит меня и принадлежит только мне?»

Она старательно отводила глаза от его полураскрытых губ, которых так желала. Только не думать о том, что ее неудержимо тянет прикоснуться к нему, ощутить под пальцами такую теплую кожу и поцеловать зовущие мягкие губы. «Ну и что особенного? Взять и прикоснуться, это же так просто, – уверяла она себя, пытаясь вдохнуть сырой свежий воздух, которого ей вдруг стало не хватать. – Что он делает со мной?» Голова закружилась, и она в порыве снова прижалась к его груди, засунув руки ему под мышки.

Он притянул ее к своей груди и был благодарен дождю за то, что он отделил их от всего остального мира. Яна подняла голову и уловила его взгляд, полный изумления и благодарности. Губы его прошептали:

– Спасибо тебе за то, что ты есть.

Они стояли под навесом и целовались. По крыше барабанил нескончаемый дождь. В этот момент они чувствовали себя самыми счастливыми, на всем белом свете.

Это произошло с ним вдруг. Неожиданно для себя он осознал, что раньше не видел ее, хотя и знал с детства. Она перевернула в нем всю душу. Очевидно, подошло время, сердце было готово к взрыву чувств, и вот этот взрыв случился. И даже было не столь важно, как она к нему относится, главное его поражало то, что происходит с ним. Ему хотелось видеть ее каждую минуту и разговаривать только с ней. Он поймал себя на мысли, что страдает вдали от нее и ему нравится это томление и сладкая грусть. Он даже не мог представить себе, что эта девчонка сможет пробудить в нем такие яркие, неизведанные и чуждые его рациональному уму чувства. Он помнил каждый поворот ее головы, каждое произнесенное слово, звук ее голоса. А она никогда не была одна. Все время вокруг нее крутилась толпа. Она, как заноза засела в его голове, и это его тревожило, сводило с ума, не давая покоя.

Алик Сташевский сидел за учебником по физике и не мог прочесть ни строчки. А весна вступала в свои права. Вместе с природой просыпались и росли совершенно новые чувства, будоража сознание и кровь.

Апрельское утро выдалось дождливым. Крупные капли летели в лицо, порывами ветра выворачивало и уносило зонт. Невозможно было ступить ни шагу. Яна с трудом добралась до угла дома и повернулась спиной к ветру, стараясь выпрямить зонтик. И тут ее взгляд натолкнулся на Алика Сташевского, неподвижно стоящего под навесом магазина, словно порывы ветра и дождь совсем не тревожили его. Парень наблюдал за ней, как ей показалось, совершенно безучастным взглядом и не предпринял ни малейшего движения, чтобы помочь. Издали

он напоминал застывшее изваяние из камня. Яна не знала, удивляться ей, злиться или смеяться. Руки онемели, мешал портфель, и она никак не могла справиться с зонтом. Порыв ветра подхватил его и понес прямо в большую лужу. Яна остановилась, готовая заплакать. И тут что-то произошло со Сташевским. Он словно ждал этого момента: сразу ожил и в два шага оказался возле нее.

– Оставь этот дурацкий зонтик. Эти японские зонты – только выброшенные деньги!

Яна даже не успела удивиться столь резкой смене поведения. Дождь заливал лицо, и она еле сдерживала слезы.

– Давай, иди сюда, – Алик выхватил у нее из рук портфель. Нажал кнопку большого крепкого черного зонта и накрыл ее от дождя. – Держись, пойдём.

Не проронив ни слова, Яна вцепилась в его руку и пошла рядом, приноравливаясь к его стремительному шагу. Он ступал широко, и девушка еле поспевала за ним.

– Мы опаздываем, – оправдываясь, сказал Алик. Они шли по улице, под ногами хлюпали лужи. Первые несколько минут он был бесконечно счастлив. Яна оказалась так близко к нему и была такая грустная и красивая. Наступило неловкое молчание. В голове Сташевского мелькали теплые и необычные для его холодного рационального ума мысли. Почему она без шапки, и не холодно ли ей? Может, она замерзла? Промокли ли у нее ноги? Как объяснить, что он готов встречать и провожать ее со школы каждый день, и вообще, что он на многое готов ради нее?.. А потом его поразила внезапная мысль: вот сейчас они дойдут до школы, а он так ей ничего и не скажет. Надо было срочно что-то делать, что-то говорить!.. Чем больше Алик думал об этом, тем больше нервничал. Яна была так близко, что он еле сдерживался, чтоб не развернуть ее к себе и... А она отвела взгляд в сторону и поджала губы, как будто о чем-то размышляла.

Яна шла рядом и думала, почему ей с ним так тяжело. Молчит и идет, как робот, рядом. Она вдруг подвернула ногу и, вскрикнув, пошатнулась. Алик подхватил ее под локоть и прижал к себе. От такой неожиданной реакции ее глаза удивленно распахнулись, и она густо залилась краской, а у него перехватило дыхание, как у совсем маленького мальчишки. Порыв ветра разметал девичьи кудри, мокрые пряди упали ей на лицо. Не совсем понимая, что делает, Алик зажал портфель между ног, зонтик переложил в другую руку и осторожно пальцами стал поправлять ей волосы, заправляя кудряшки за уши. Яна вся напряглась, ее щеки вспыхнули. Алик заморгал глазами, резко отстранился и хотел было извиниться, но не нашел подходящих слов и в ужасе застыл, не зная что сказать. Она еще больше засмушалась, но не отвела взгляд. Ее зеленые глаза удивленно метались по его лицу, перескакивая то на глаза, то на губы.

– Прости, – он пришел в себя первым, и заговорил быстро, будто боялся забыть бежавшие впереди мысли. – Я не знаю, что на меня нашло... Просто мне показалось, что ты чуть не упала... Я только хотел поддержать тебя! Ой, ну что я несу! Мне на самом деле очень неудобно... Я не знаю...

– Все хорошо, Алик, – Яна поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. От того, как она произнесла его имя, и от ощущения ее теплых губ у себя на лице он вздрогнул.

Она взяла его под руку. Так они и зашли в школу. Пробежали через двор и столкнулись в вестибюле с Надеждой Александровной.

– Росина, теперь и Сташевский из-за тебя опаздывает! Нехорошо. – И, сверкнув глазами, пошла по коридору, стараясь скрыть улыбку.

Алик с Яной переглянулись и прыснули от смеха. В класс они влетели, застряв в двери.

– Прости, – смеясь, сказал он. – Я тебя не пропустил вперед.

И отскочил в сторону. Все уже сидели за партами и с интересом наблюдали за их веселой возней. Прозвенел звонок на урок. Учитель Валерий Яковлевич был уже в классе.

– Сташевский, Росина, садитесь быстрее на место, мы начинаем контрольную.

Он показал на доску, где были заранее написаны два варианта задач.

– Списывайте каждый свой вариант. Сташевский, ты сидишь один, можешь делать любой из них.

Алик кивая, зевнул.

– Как спать хочется. На улице идет дождь, наверное, поэтому.

Он бросил взгляд на Яну, она тоже зевнула и посмотрела на доску, переписывая задачу в тетрадь. «Господи, как же хочется уснуть рядом с ней, или не уснуть, главное с ней», – подумал Алик и вздохнул.

Яна, словно прочитав эти мысли, посмотрела на него. Оба засмутились и отвернулись.

– Сташевский!

Алик вздрогнул.

– Что ты сидишь мечтаешь? – Валерий Яковлевич удивленно смотрел на него.

Алик заерзал на месте и уткнулся в тетрадь. Вот она первый раз за все полгода посмотрела на него, а он не отвел взгляда. Ну какая могла быть после этого контрольная?

После уроков он решил дожидаться Яну и, если получится, вместе пойти домой. Он первым вышел со двора и дошел до аптеки, наблюдая за школьной калиткой. Моросил противный мелкий дождь, на улице было сыро и промозгло. Ноги уже замерзли, капли летели прямо в лицо, а Яны все не было.

Вдруг он увидел, как она выходит из школы с Денисом Владимировичем и как учитель берет у нее портфель и раскрывает свой большой зонт. Яна встала рядом с ним под зонт, и они пошли в сторону аптеки, где топтался, переминаясь с ноги на ногу, Алик. Сердце зачастило в его груди, все взорвалось внутри, в глазах потемнело от негодования. Он резко повернулся и чуть ли не бегом помчался в сторону дома.

– Яна, как же ты так потеряла свой зонтик? – Денис смеялся ее рассказу. – Смотри, чтобы тебя ветром не унесло, как Элли из «Волшебника Изумрудного Города».

– Я ждала Алика Сташевского, а он убежал, а ведь знал, что у меня нет зонта, – вздохнула Яна. – Вот как можно на него рассчитывать?

– Ну ничего, я тебя проведу, как раз и поговорим, давно не общались, – Денис замолчал и нахмурил брови, а потом вдруг неожиданно спросил: – С Робертом ты все еще видишься?

– Да, виделись на прошлой неделе, – Яна улыбнулась.

– Держись от него подальше. Он не пара тебе, – нахмурился Хиппник, и в его голосе зазвучали металлические нотки. – Это я тебе говорю как друг, ну и, конечно, как твой школьный учитель.

Яне очень хотелось спросить, почему он так считает, но она не решилась.

– Он ко мне хорошо и бережно относится, – сказала девушка, словно оправдываясь. – Поэтому я ему доверяю.

– Не надо доверять ему, – очень веско произнес Денис. – Не разрешай ему приближаться. Иначе мне придется поговорить с твоей мамой.

– Денис Владимирович, – Яна подняла на него испуганные глаза. – Скажите мне прямо сейчас, что вы этого не сделаете.

– А ты мне пообещай, что больше не будешь видеться с ним, – Денис прищурил глаза.

– Это что, ультиматум? – Яна занервничала.

– Считаю, что да. Он опасен, нигде не работает, торгует золотом. Ты понимаешь, куда он может тебя завести?

Они подошли к ее дому.

– Я подумаю, – Яна взяла у него из рук свой портфель и решительно вошла в подъезд.

Сташевский влетел в квартиру и швырнул школьную сумку на пол, с остервенением пнув ее ногой.

– Да пошли они все! Никогда она со мной не будет! Напридумывал себе бог знает что! Как же я ее ненавижу! – в голос крикнул Алик и со всей силы саданул кулаком по столу. Внутри него все клокотало и бурлило от злости.

Он прошел на кухню и, чертыхаясь, стал рыться в ящике с вещами отца, к которому никогда даже близко не подходил. У них были сложные отношения. Алик его игнорировал, боялся и презирал, а сейчас он рылся среди его вещей. Наконец нашел что искал: сигареты и зажигалку. Вытащил дрожащей рукой из пачки одну, несколько раз нервно щелкнул зажигалкой и прикурил, но не рассчитал – слишком сильно вдохнул едкий противный дым и сразу же закашлялся. Кашлял он долго и надрывно, пока на глазах не выступили слезы, потом с отвращением смял и выбросил сигарету. Нет, курить он не будет, и пить тоже, ему совсем не хотелось походить на отца. Он окончит школу с медалью, уедет, как и планировал, в Москву, поступит в один из престижных вузов страны и станет ученым. Все как решил. Вот она, его давняя мечта, совсем рядом, так близко. И Алик знал, что у него все получится. Он подумал о матери. Сердце защемило. Когда у него появятся деньги, он сможет помочь ей.

Да все получится, он мечтает об этом, а главное, верит в себя.

И всё бы хорошо, но как его угораздило так глупо влюбиться, да еще в кого – в Янку Росину! Он ее столько лет знает! Как такое вообще могло случиться? Это никак не входило в его планы! Какая может быть любовь, когда сейчас нужно думать совсем о других, более важных вещах? Может быть, лет через десять, когда он уже будет готов создать семью... Разве он мог подумать, что с ним такое случится? Яна взорвала ему мозг, завладела всеми его мыслями, лишила покоя и сна. Ворвалась, как ветер в его жизнь, такая светлая, яркая, красивая, как переливы музыки, как шуршание осенних листьев, как шум дождя, как глоток свежего воздуха, как солнце... Он просто потерял голову.

Сташевский сел за стол, подперев подбородок руками, и решил совершенно твердо, что все кончено, никаких чувств! Больше он ее замечать не будет, полное игнорирование, иначе он сойдет с ума. Если раньше его уродливая квартира и несчастная мать вызывали в нем желание учиться, чтобы скорее уехать отсюда, то теперь он с горечью подумал, что пока он будет получать образование в столице, Яна выйдет замуж за какого-нибудь сыночка богатеньких родителей, и он потеряет ее навсегда. Сейчас отчетливо вспомнилась ошибка Андрея Болконского, который отложил на год свадьбу с Наташей Ростовой. Гримаса отвращения исказила красивое лицо юноши. Он ужасно не хотел заниматься. Мысли путались в голове. С детства ему внушали, что дисциплина превыше всего. Отец – военный моряк, а потом капитан дальнего плавания – муштровал его с малолетства при любом удобном случае: «Дисциплина – это решение делать то, что очень не хочется, чтобы достичь того, чего очень хочется достичь». Это глубоко засело в его мозгу и закалило характер. Благодаря дисциплине Алик научился контролировать свои эмоции. Он сел за письменный стол, достал из сумки тетради, разложил учебники и начал делать уроки.

Весна под запретом

«В этом году все не так, даже весна проходит мимо», – думала Яна. Так хотелось красиво одеться, выйти на Пушкинскую, пройтись к «Снежинке», встретить знакомых, узнать последние новости, а главное, увидеть Роберта, который в очередной раз исчез и не подавал о себе никаких вестей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.